

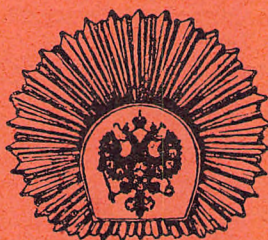
№ 28

ЯНВАРЬ 1958 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 7-й

ВОЕННАЯ СЛОВА

LE PASSÉ MILITAIRE

**ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ**

Сумские кадеты, Обще-Кадетское Объединение и Объединение юнкеров Николаевского Кавалерийского Училища извещают, что в первую годовщину смерти
их дорогого однокашника и друга **ПОЛКОВНИКА**

Евгения Васильевича КРАВЧЕНКО

у Кадетской Лампады, в Церкви Знамения Божией Матери, после Литургии, 9 февраля
1958 года будет отслужена панихида.

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Гренадеры под Плевной — А. Волков	1
От Батума к Трапезунду (продолж.) — Г. Аустрин	2
С Назаровым под Вознесенском (1919 год) — Иван Сагацкий ..	5
Из Польши на Украину с III-й армией генерала Врангеля (окон- чание) — Е. Ковалев	9
День на крейсере — Д. А.	12
Мирная полковая жизнь — Г. Танутров (Жук)	15
Как они умирали — В. К. Цимбалюк	19
Наступление 1-й бригады 68 пехот. див. в марте 1915 года — В. В. Федуленко	21
Командир Второй Конной — Э. С-кий	23
Джигиты — Полковник Александр Немирович-Данченко	24
Антология правовых добродетелей — Николай А. Реймерс	24
Обзор военной печати	27
Хроника «Военной Были»	28
Почтовый ящик	28

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ во Франции и колониях — 1100 фр. с пересылкой, в Германии — 12 марок, в Англии и Австралии цена отд. № 5 шил. год. подписка — 25 шил., в Сев. Ам. С. Шт. и Канаде цена отд. № — 80 ц. год. подписка — 4 дол. 50 ц.

Всю переписку и денежные переводы по «**ВОЕННОЙ БЫЛИ**» направлять по адресу Редакции: 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16e). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 2881 - 89 Париж, *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e).

MIR. 72-55

7-й год издания

№ 28 ЯНВАРЬ 1958 Г.

Bimestriel. Prix — 200 fr.

Редакция «ВОЕННОЙ БЫЛИ» поздравляет всех своих сотрудников, представителей, подписчиков и читателей с Праздниками Рождества Христова и Новым Годом.

Гренадеры под Плевной

*“Грянет слава трубой,
За Дунаем, за рекой,
По горам твоим Балканским
Раздалась слава о нас”.*

(Из гренад. солд. песни)

В истекшем году исполнилось 80 лет (28 ноября 1877 г.) со дня падения Плевны, дня, когда Гренадеры приняли на себя главный удар турок.

Страдания балканских славян под игом Ислама и освободительная борьба сербов и черногорцев вызвали в тогдашнем Русском обществе необыкновенное возбуждение и сочувствие к братьям славянам. Как результат такового, 12 апреля 1877 г., Император Александр II объявил войну Турции. Княжество Румыния не только согласилось пропустить через Румынию Русские войска к Дунаю, но и само примкнуло к России.

Русская армия, под водительством Великого Князя Николая Николаевича Старшего, переправилась через Дунай и, продвигаясь правым своим флангом, подошла к укрепленному лагерю при городе Плевна, в котором укрылся талантливый генерал Осман Паша. В то же время на Кавказском театре войны наши войска, под начальством Великого Князя Михаила Николаевича, подошли к Батуму и Карсу, и взяли их. На этом фронте, покрыла себя славой в боях 1-я Гренадерская дивизия, за что ее полки получили Георгиевские знамена и серебряные трубы с Георгиевскими лентами.

На Балканах к октябрю того же года Гренадерский корпус (2-я и 3-я Гренад. дивизии) был уже сосредоточен под Плевной в Западном Отряде Дунайской армии, предназначенной для обложения армии Османа Паши. Позиция впереди горного Нетрополя, по обе стороны дороги из Видина к Плевне, была занята 3-й Гренадерской дивизией, перед фронтом которой в 3-х верстах протекала река Вид с каменным мостом.

Ввиду наиболее вероятного направления прорыва Османа-Паши из Плевны, именно здесь было особенно обращено внимание на этот участок, где под руководством генерала Тотлебена, героя Крымской войны, были возведены укрепления двух линий обороны.

Наша сотысячная армия, при 300 орудиях, занимала линию обложения вокруг Плевны, длиною до 70 верст в окружности, в то время как турецкая армия Османа Паши в количестве 50.000 человек при 100 орудиях имела фронт вокруг Плевны, около 35 верст.

В распоряжении Командира Гренадерского корпуса ген. Ганецкого находились 2-я и 3-я Гренадерские дивизии с их артиллерией, 17-й Архангелогородский и 18-й Вологодский пехотные полки, 9-я кавалерийская дивизия с 7-й конной батареей, 4-й Донской полк со 2-й Донской батареей и 2 роты 4-го саперного батальона.

В конце ноября стали поступать сведения от перебежчиков о намерении Османа Паши пробиться из Плевны.

Утром 26/11 на позицию отряда ген. Скобелева перебежал турецкий барабанщик болгарин Готов, который показал, что три дня тому назад Османом Пашой был отдан приказ о выступлении его армии в Видин, что розданы аскерам новая обувь, запасы сухарей, исправлено оружие, и что больные и раненые останутся в Плевне.

Это показание отличалось правдивостью. С 26/11 артиллерийский огонь неприятеля стал заметно слабеть, а 27/11 совершенно замолк и наступило полное затишье.

К вечеру 27/11 разразилась неожиданная снежная метель. В это время, на участке Гренадер. разъездами 2-го эскадрона 9-го Гусарского Киевского полка майора Киреева, около 6 час. вечера, была замечена колонна турок, шедшая к мосту.

С наступлением ночи метель утихла, небо покрылось свинцовыми облаками и видимость сильно уменьшилась. Около полуночи разъезды майора Киреева подошли к самой реке и услышали шум колес

и наводку нового моста. Об этом было тотчас же доложено ген. Ганецкому.

Около 3-х часов утра генерал получил от майора Киреева новое донесение: у реки замечено большое скопление турок, а от начальника штаба Плевно-Ловчинского отряда телеграмму, что турки готовятся к наступлению и сосредотачиваются у моста на реке Вид.

В ночь на 28 ноября на позиции 6-го участка дежурными частями были: на правом фланге 5-й Гренадерский Киевский полк, а в центре — 9-й Грен. Сибирский полк. Ближайшими поддержками этих полков были: 6-й Грен. Таврический и 10-й Грен. Малороссийский полки. Ночь приближалась к рассвету и все затянулось густым туманом.

Командующий 3-й Грен. дивизией Ген. Данилов, лично заметив турецкое наступление, приказал пустить сигнальную ракету, артиллерии открыть огонь и приблизиться подвижному резерву: 11-му Грен. Фанагорийскому и 12-му Грен. Астраханскому полкам. Турки открыли по 6-му участку ураганный артиллерийский огонь и пошли в атаку вместе с артиллерией. Наступление их было стремительно. За цепями следовали резервы.

Наша артиллерия не умолкала, наваливая груды тел. Сибирцы с расстояния 200 шагов встретили их залпами, но турок это не задержало.

Первыми жертвами озлобленного врага были две роты Сибирцев, выдвинутые несколько вперед, которые заплатили своей жизнью за защиту своей позиции, отбиваясь огнем и штыками, и все легли в неравном бою вместе с начальником майором Лихачевым. Раненых турки прикалывали.

У земляного укрепления № 3, где 2-я батарея кап. Иванова била на картечь, турки зашли с флангов и оставшейся прислуге батареи удалось увезти только 2 орудия и 6 замков.

В укреплении № 4 3-й батареи подполк. Квантена, отбиваясь на картечь, увезли только 6 орудий; под остальными двумя были выбиты лошади.

В центре позиции, 2-й батальон Сибирцев стал отходить, понеся большую убыль в людях.

Захватив первую линию, турки ринулись на вто-

рую, но в это время (около 9-ти час. утра), подоспел 10-й Грен. Малороссийский полк. Приняв на себя Сибирцев, Малороссы пошли в атаку и, неся огромные потери, задержали врага.

На помощь были двинуты Фанагорийцы и Астраханцы. Стройными рядами эти 2 полка, со штыками на перевес, с грозным “ура”, кинулись в атаку, с таким одушевлением, что турки дрогнули, отхлынули и стали отходить. Подошедший к правому флангу 7-й Грен. Самогитский полк так же принял участие в атаке. Штыками и огнем все эти полки выбивали из траншей и преследовали без остановки ошеломленных турок, местами обращая их в бегство. Были взяты обратно 8 Гренадерских орудий.

Наша артиллерия, продвигаясь вместе с пехотой, осыпала врага картечью и гранатами, производя страшные среди них опустошения.

Турки бежали к мостам, которые были запружены, бросались прямо в воду. Картина боя была ужасна. Турецкие резервы, бывшие на правом берегу реки, бросились было в самую Плевну, но там их встретили залпы русских войск, уже занявших город.

Армия Османа Паши была окружена со всех сторон, и в 2 час. дня был выкинут турками белый флаг. Стрельба прекратилась.

Приняв парламентаров, к-р 1-й роты 11-го Грен. Фанагорийского полка, шт.-кап. Мочульский, направил их к командиру корпуса. Могучее “ура” гремело на 40 верст кругом.

Радости солдат не было конца. Они целовались и поздравляли друг друга с победой.

Прибывший в это время на поле сражения Великий Князь Главнокомандующий объехал войска и благодарил за победу.

Всего было взято в плен 10 пашей (генералов), 128 штаб-офицеров, 2.000 обер-офицеров, 36.000 аскеров, 12.000 кавалерии и 77 орудий. Потери турок за этот день были около 6.000 человек.

В бывшей ставке Османа Паши, в присутствии Августейшего Главнокомандующего было совершено благодарственное молебствие и сделан салют в сто один выстрел.

А. Волков

От Батума к Трапезунду

(Продолжение)

На утро, 21 февраля, на рассвете, вновь предстояла высадка в селении Менаври, в тылу у турок. Как и накануне, Отряд судов снова простоял до глубокой ночи на рейде селения Атинэ, озаряемый заревом догорающих пожаров. Инженерные склады, магазины и большие многоэтажные дома были подожжены и нашей артиллерией, и турками, при их спешном отступлении. Точно в таком же порядке, как и накануне, в глубоком мраке, подошли наши суда 21-го февраля к с. Менаври. Едва только были опущены сходни, как противник открыл сильный ру-

жейный, пулеметный и артиллерийский огонь. Берег застонал от грохота, озаряемый молниями вспышек непрерывной стрельбы. Тральщики и миноносцы ответили беглым огнем из всех своих 12 орудий.

Догорающая ночь, необычайная, для солдат, обстановка на воде, треск ружейной стрельбы и орудийный грохот создали, в первые минуты, какую-то растерянность, близкую к панике. Люди залегли на палубе, некоторые, сидя на корточках, открыли беспорядочную стрельбу в воздух, внося тем еще большую сумятицу в растерявшуюся массу. Но момент

неожиданности прошел. Энергичная команда, чувство дисциплины, а, может быть, и несколько унтер-офицерских тумачков, победили стадное чувство и взводы стали сбегать по сходням, рассыпаясь в цепь, тут же на берегу. Любопытно отметить, что в этот, первый момент растерянности, матросы, комендоры у носовых орудий, в коротких промежутках между выстрелами, помогали офицерам и унтер-офицерам наводить порядок, хватали растерявшихся солдат и давая им по шее, с прибавлением устно всей родословной, выталкивали их на сходни.

Хотя стрельба, с обеих сторон и достигла высшего напряжения (на тральщиках был израсходован почти весь запас снарядов), чувствовалось, что напряжение огня противника слабеет. Лихорадочный, мало действительный, почти не наносящий потерь огонь, давал понять, что он долго не выдержит, и что настал момент перейти в решительную атаку. Да и было пора. Сквозь тьму умиравшей ночи все яснее и яснее стали обрисовываться контуры прибрежных гор, местами ярко озаренные заревом горящих домов.

С могучим “ура”, сотни ринулись вперед. Треск горящих и рушащихся домов, далеко разбрасывающих снопы искр, удушливый дым, отчаянные вопли женщин и плач детей, мычание обезумевшего и мучающегося между уцелевшими постройками, скота, страшное “ура”, с пронзительным свистом, порыв и стремительность — такова была картина атаки, на рассвете 21 февраля 1916 года, увенчавшая лаврами наши знамена. Четыре орудия, масса пленных, во главе с командиром батальона и много оружия, попали в руки пограничникам.

Незамедлительно, продолжая, веером движение вперед и захватывая повсюду пленных, к вечеру того же дня, сотни окопались и заняли удобные для обороны позиции, верстах в десяти примерно от селения Менаври. Ночь прошла спокойно, но, с наступлением рассвета, на всех участках левого фланга, занимаемого 2-м батальоном, была слышна сильная стрельба. То турки, отступая под давлением Приморского Отряда и натываясь на наши десантные части, метались вдоль фронта нашего расположения.

Тем временем, пленный командир турецкого батальона, при опросе его в штабе, показал: о готовящемся нами десанте в тыл их позиций турецкое командование знало, но не располагало сведениями о месте высадки. Предполагалась дата высадки в ночь с 20 на 21 февраля. Все меры были предприняты и только счастливый случай, что высадка была произведена на сутки раньше, спас десантный отряд от могших быть, неприятностей и операция не была сорвана, но, такого, в переводе на Русский язык, нахальства, чтобы высадить второй десант, непосредственно за первым, мы не ожидали, заявил пленный штаб-офицер. “Здесь, в селении Менаври, у меня, помимо батальона пехоты и прочих мелких частей, находилось еще 4 орудия. Позиции, обращенные фронтом к морю, были подготовлены и укреплены заблаговременно и мы, конечно, могли бы отразить попытку высадиться в районе Менаври, в том масштабе, о

котором нам сообщалось. Заметив огонек в море, наши посты не придали ему никакого значения, приняв его за очередной миноносец, крейсирующий у наших берегов. Появление же кораблей, выросших у самого берега, нанесло известный психологический удар, результаты которого вы сами видели”.

И, действительно, насколько беспорядочно было отступление, вернее бегство противника, свидетельствовало то, что в селах, расположенных в районе, занятом десантным Отрядом, было задержано много переодетых турецких солдат, не успевших уничтожить или скрыть свое обмундирование, валявшееся в кустах, возле домов, где они прятались.

К 10 часам утра, высланная вперед разведка противника не обнаружила, а, затем, было получено распоряжение батальонам свернуться и возвратиться в Менаври, где им были даны и отдых, и горячая пища — Приморский Отряд прошел Менаври и спешил в догонку оторвавшегося противнику.

“Порыв не терпит перерыва” и ближайшей целью генерала Ляхова было овладение городом Ризе, где были сосредоточены большие интендантские склады и магазины противника, снабжавшие весь левый фланг турецкой армии, на приморском направлении. В связи с этим, генерал Ляхов приказал: “Продолжая безостановочное движение в западном направлении, левому флангу Приморского Отряда обойти, по склонам Понтийского Тавра, город Ризе. Прочим частям атаковать противника с фронта. 1-му батальону 5-го Кавказского Пограничного полка, сообразуясь с общей обстановкой, высадиться у маяка, западнее г. Ризе, дабы не дать возможности туркам уничтожить или вывезти, имеющиеся там, запасы, а 2-му батальону того же полка — присоединиться к главным силам Приморского Отряда, для его усиления”.

Во исполнение полученной задачи, 1-й батальон пограничников переночевал в Менаври и в полдень 23 февраля, погрузился на свой тральщик, который, под прикрытием двух миноносцев и канонерской лодки “Терец”, взял курс на порт Ризе. Далеко, на горизонте, четко обрисовывался силуэт линейного корабля “Императрица Мария”.

Казалось, сама природа способствовала генералу Ляхову в ведении морских операций. В это время года, Черное море, в полной мере, оправдывало свое название, бушуя и вздымаясь огромными валами, неделями прерывая всякое сообщение между портами Черноморского побережья. Чудные, по весеннему, солнечные дни. Уснувшее море, точно вылитое из бирюзы, нежно поплескивало о борта тральщика, лениво играя в радостных лучах горячего солнца. На фоне голубого неба, лазоревый берег в рамке зеленых гор, покрытых зарослями рододендрона и азалии, переходящих вдаль в синеватую дымку главного хребта Понтийского Тавра, с причудливыми вершинами, уходящими ввысь и окутанными плотной пеленой девственного снега.

К 16 часам открылся город Ризе, среди садов и апельсиновых рощ, расположенный в глубине обширной бухты, окруженный цепью гор и освещенный яр-

кими лучами заходящего солнца. Своими белыми домами, с таинственными громадами мечетей, в массе ажурных минаретов, со стройными, как свечи, кипарисами, окружающими их, он невольно пленял взор. Проходим мимо города, но, в хороший бинокль, ясно видны на зданиях белые флаги. Новость, с быстротой молнии, распространяется по кораблю. Повсюду гол радостных голосов. Но вот и громадный белый маяк. Медленно подходит к нему тральщик. Плавно опускаются сходни — батальон на берегу. На маяке, как и на ближайших домах небольшого селения, развеваются белые флаги. Противник ушел и долго еще после, весь Приморский Отряд питался запасами турецкого интендантства, брошенного им и не уничтоженного в громадных складах города Ризе.

Заняв позицию в четырех верстах от берега моря, западнее маяка и войдя в связь с подошедшими частями Приморского Отряда слева, батальон заночевал, выставив сторожевое охранение. Высланные на утро разведывательные отряды имели столкновение с заставами противника в устье реки Калапатамос—Дараси. По их сведениям, турки заняли позиции по левому берегу той же реки, имея заставы охранения на правом ее берегу. К вечеру 25 февраля, согласно приказанию Начальника Отряда, 5-й Кавказский Пограничный полк, оттеснив сторожевое охранение турок, занял позиции по правому берегу реки Калапатамос—Дере, войдя в связь с пластунами справа и 19-м Туркестанским Стрелковым полком, слева.

III

С раннего утра 26 февраля, на участке полка, закипела лихорадочная работа, под руководством прибывших из Батума сапер Михайловского крепостного батальона, по приведению позиций в оборонительное состояние. Трассировались и отрывались окопы полной профили, с блиндажами, траверсами и бойницами. Проводились ходы сообщения. Перед позициями вырубался и выжигался кустарник, мешающий обзору и обстрелу, впереди лежащей, местности. Из-за отсутствия колючей проволоки, которая еще не была привезена, по скатам, обращенным в сторону противника, валился лес, из которого устраивали засеки. Попутно, выбирались артиллерийские позиции, налаживалась служба связи и дело снабжения частей боевыми припасами и продуктами питания. Для прикрытия работ, от каждой сотни было выдвинуто на левый берег по взводу, при офицере, которые и заняли там позиции, окончившись против своих сотен. Турки, занимавшие командующие высоты по левому берегу реки, очень беспокоили эти заставы своим огнем и, в течение дня, они были буквально отрезаны от своих частей. Телефон часто не работал, так как провода нередко перебивались пулями, а проверка линии была возможна только ночью. Ночью же, при соблюдении полной тишины, производилась смена застав и приходили санитары с носилками. Под покровом тех же ночей, саперы навели, из подручного материала, несколько мостов, чем облегчили смену за-

став. Мосты эти очень намгодились, при дальнейшем наступлении.

Но недолго дал Генерал Ляхов Приморскому Отряду простоять на занимаемых позициях. 5-го марта правый его фланг (пластуны), при поддержке судовой артиллерии “Ростислава”, переходит реку, сбивает турок и закрепляет их позиции за собой. Бешеные контр-атаки турок отбиваются лихими пластунами, а 7 марта, на рассвете, весь Приморский Отряд переходит в решительное наступление, преодолевает сопротивление врага по всему фронту и выдвигается на линию города Оф — гора Сос-Даги.

8 марта, в 10 часов утра, 1-й батальон пограничников получил приказание сдать свой боевой участок 3му батальону, только что сформированному и прибывшему из Батума, и отойти в Отрядный резерв, в селение Фатхия. Поход выдался тяжелый. После небольшого перерыва, ливший накануне дождь полил с новой силой и превратил все дороги и тропинки в сплошное месиво из жидкой глины. Ноги вязли и скользили, местами грязь доходила чуть ли не до колен. Люди падали от усталости. С большим трудом, к вечеру, сильно растянувшийся батальон добрался до селения Фатхия. Здесь он был встречен квартирьерами, разместившими его под кровом турецких домов. Три дня отдыха дали возможность людям привести себя в порядок, помыться и почиститься, но упорные бои заставили командование, вновь, стянуть все наличные силы, на линию Оф — Сос-Даги. 1-й батальон выступил из селения Фатхия, через Кабак-Кей, в район Сос-Даги. В это же самое время прибыл, наконец, и наш 4-й батальон, со всеми командами и немедленно двинут в район города Оф. Весь полк был в сборе.

К 17 часам 12 марта, 1-й батальон прибыл к месту своего назначения и остался в резерве боевого участка. По всему фронту трещала сильная ружейная стрельба. Отчетливо строчили пулеметы беглым огнем били наши орудия. Впереди расстилалась глубокая и широкая долина реки Балбази-Дараси, затянутая вуалью предвечернего тумана. Противоположную сторону долины замыкал довольно высокий и пологий хребет, резко выделявшийся в пурпуровых лучах заходящего солнца. Слева, в шрапнельных и гранатных разрывах, дымился мрачный Соет-Даги. Бой разгорался. Турки яростно переходят в контр-атаки. Тягучее, заунывное “Алла” смешивается с нашим “ура”. Дело доходит до штыков. Гора Соет-Даги несколько раз переходит из рук в руки. Слышны удары тяжелой артиллерии — то “Ростислав”, с моря, громит турок своими десятидюймовыми орудиями, содействуя частям, берущим г. Оф. Ночью, на участке нашего 2-го батальона, с трудом удерживающего занятую им турецкую позицию, введены в дело последние резервы. Полная тревоги и напряжения ночь прошла. В проблесках наступающего дня, Приморский Отряд окончательно закрепил за собой все взятые неприятельские позиции. Соет-Даги — пал. Понесла большие потери, турки начали отходить на

заранее укрепленные позиции по реке Кара-Дере, прикрывавшие город Трапезунд.

По обнаружении отхода противника, весь Приморский Отряд был двинут вперед. В районе Соег-Даги пылало несколько деревень. Горели дома и мечети. Здесь особенно отличились пластуны и туркестанцы. Здесь, турки установили пулеметы на минаретах и это заставило наши войска предать мечети огню. Ожесточенность была так велика, что пленных не брали. На правом фланге, принявший боевое крещение, наш 4-й батальон, ворвавшись в город Оф, захватил в плен турецкую роту, со всем командным составом.

Противник отошел и, при своем отходе, поджег леса, пышно растущие в этой части Анатолийского побережья. Лесные пожары, сильно пересеченная, порой трудно проходима, местность очень затрудняли продвижение Приморского Отряда и дали возможность туркам оторваться от него.

Трое суток продвигался полк вперед, не видя тучек перед собой. Переходы были, правда, небольшие, но очень утомительные. Горы пылали огнем. Сизый туман окутывал ущелья и стелился черно-багровой тучей по их склонам. Нужно было или обходить лесные пожары или прорубать просеки, для движения вперед. Для ночных bivakov приходилось кругом окапываться, чтобы огонь не подошел к спящим. Эта борьба с огненной стихией была настоящим бедствием для наступающих частей. Целый день похода, с небольшими привалами, кручи, копоть и дым, разбегающиеся глаза и стесняющее дыхание, ночные наряды для борьбы с огнем, все это страшно изматывало и утомляло людей. Колонны сильно растягивались, люди с трудом брели, черные от копоти, с воспаленными глазами и потрескавшимися губами. Но всему бывает конец. Полоса пожаров была пройдена и 16 марта, в прохладе наступающего вечера, сотни медленно спускались в глубокую, окаймленную горами, котловину.

Внизу, в зелени и лепестках цветущих фруктовых деревьев, широко и привольно раскинулось большое село "Зида". Четыре селения поменьше — ютились по склонам гор. Пять больших каменных церквей говорили, что население здесь православное — очевидно греки, живущие здесь с незапамятных времен и, как видно, в достатке. Сотни подтянулись. С песня-

ми, отбивая шаг, забыв усталость, они вошли в селение Зида, встреченные колокольным звоном всех церквей. Радость жителей была неподдельна, раздраженные своими неудачами турки вымещали свою злобу на христианском населении. Если здесь не было поголовной резни, как в Армении, то все же, на путях к Трапезунду нам неоднократно приходилось видеть изуродованные трупы мужчин, женщин и, даже, девушек-подростков.

Жители высыпали на улицы, восторженно приветствуя вступающие войска. Женщины, с кувшинами и чашками в руках, поили наших солдат молоком и водой. Молодежь забрасывала проходивших цветами, мужчины стояли без шапок. Выставив сторожевое охранение и выслав разведку, в сторону противника, полк расположился биваком.

Весело запылали костры у походных палаток. Их мигающее пламя озаряло ближайшие постройки, кусты и деревья. С реки потянуло прохладой и сыростью. Слышался гул голосов, где-то в стороне пофыркивали кони вьючного обоза. К нежному аромату цветущих персиков и миндаля, резко примешался запах махорки и тот особый, присущий только Русскому солдату, где бы и в какой обстановке он не находился. К 8 часам вечера, все свободные чины полка, во главе с командиром, полковником Гамалеем, собрались в местном соборе, где греческим духовенством был отслужен торжественный молебен. Храм был переполнен молящимися, а площадь перед ним запружена народом.

Стемнело окончательно. Груды звезд высыпали в ясном, весеннем небе, точно бисерного узора, разбросанные по плащу темного бархата, накинутому над засыпающей, грешной землей. Далеко в горах слышен протяжный вой шакалов, точно плач — то тоскливо жалобный, то хохочущий. Ночь прошла спокойно, а главное весело. В селениях, помимо брошенного турками мучного склада, к которому были приставлены наши часовые, оказались немалые запасы коньяку и ликеров. Наше появление дало повод "православным" сразу же удвоить цены на бутылки коньяку, братьев Метакса.

Георгий Аустрин

(Продолжение следует)

С Назаровым под Вознесенском

(1919 г.)

Вместо предисловия

Имя и необыкновенное боевое прошлое полковника Феодора Дмитриевича *Назарова* заслуживают внимания любого военного историка, интересующегося Гражданской войной. Назаров появился в боях под Таганрогом в самые первые дни Гражданской войны, во главе собственного партизанского отряда, и кончил войну с большевиками во Внешней Монголии, сложив свою жизнь на поле брани только тогда, ко-

гда все мы уже устраивали за-границей нашу спокойную жизнь. Все было кончено — Крым, борьба генерала Семенова... Назаров продолжал войну один на Дальнем Востоке. Красная армия должна была приложить много усилий прежде, чем затихли последние выстрелы его отряда...

Деятельность Назарова прошла вне запаха тыловых учреждений. Назаров, как офицер, сторонился

его и предпочитал ему другие, более грубые, запахи фронта.

Имя Назарова стало широко известным на Дону в 1918 — 1919 годах по сводкам и приказам по Войску Донскому, где неоднократно отмечалась блестящая боевая деятельность сначала есаула, потом полковника Назарова во главе 42-го Донского Казачьего полка в операциях под Царицыным и позже, на Украине.

Полк Назарова в эпоху расцвета его славы под Вознесенском, насколько мне не изменяет память, состоял из: 2-х конных сотен, представлявших собой Партизанский конный дивизион; 2-х конных регулярных сотен; 9 пеших, передвигавшихся исключительно на подводах; подрывной команды и команды связи; очень сильной пулеметной команды и двух 3-дюймовых пушек, отбитых у большевиков.

Этот 42-й или, как его называли более просто “Назаровский” полк, набранный из казаков низовых станиц, главным образом из станицы Ново-Николаевской Таганрогского округа, составлял со 2-м Лабинским Кубанским полком Отдельную Казачью бригаду, приданную к Добровольческой Армии на Украине. Бригадой командовал генерал-майор Скляров.

Вспоминая, виденное и пережитое в рядах Назаровского полка, где я провел лето 1919 года добровольцем в 1-м взводе 1-й партизанской конной сотни, я хочу внести посильную лепту участия в сохранение истории этого доблестного полка и отдать долг уважения имени моего боевого командира.

Да будет легка ему азиатская земля, приютшая его честную и смелую жизнь! Глубокий поклон ему от его бывшего партизана.

Я увидел Назарова в первый раз в нашей станице Ново-Николаевской, — летом 1918 г.: небольшого роста, подтянутый офицер, со смуглым лицом и коротко подстриженными черными усами, шел, тихо разговаривая, как будто с самим собою, по улице станицы. За его спиной совершенно свободно следовал заседланный караковый конь. Он очень внимательно прислушивался к словам шедшего впереди его офицера. Стоявший рядом со мной пожилой казак шепнул мне:

— Это наш Назаров. Погляди-ка, как он разговаривает с конем... Больших кровей лошадь.... Н-да... — и прищелкнул в восхищении языком.

Пройдя вперед, Назаров остановился и сказал что-то лошади. Та сама подошла к нему и Назаров спокойно сел на нее. А потом, повернув коня, он послал его на ближайший плетень сада. Лошадь легко перемахнула через него и сейчас же, почти с места, взяла его обратно. Мы переглянулись с казаком в изумлении.

Мое близкое знакомство с Назаровым оказалось, к сожалению, весьма неудачным.

Кончив Донской кадетский корпус в 1919 году, я

опять приехал в мою станицу. Невдалеке от нашего дома, на церковной площади, происходило каждый день обучение молодых казаков, предназначенных для пополнения 42-го Донского полка.

Однажды с группой сверстников-друзей я издали наблюдал за учением, когда заметил подъезжающего к нам верхом Назарова.

Приблизившись к нам, он спросил:

— Господа, не может ли кто-нибудь из вас посмотреть за моей лошадью? Мне надо проверить моих казаков. Если же кто-нибудь из вас умеет сидеть на лошади, то он сможет проездить моего “Зораба”. Хотите, кадет? — обратился Назаров ко мне.

Я вспыхнул от гордости и ответил:

— Так точно, господин есаул!

— Тогда садитесь и поезжайте. “Зораб” выезжен очень хорошо, но, помните, что это — чистокровный англо-араб. Поэтому в мыле не приводите его обратно.

Я сел на лошадь и поехал по улице, ведущей к нашему дому.

“Зораб” шел легко, танцая и прося повода. Проезжая мимо нашего сада, я заметил в нем мать и приветственно помахал ей рукой. Но тут произошло что-то ужасное: из-подворотни ближайшего дома наперерез “Зорабу” вынеслось три огромных волкодава, они в ярости бросились под ноги коню, стараясь укусить его. “Зораб” от испуга прыгнул в сторону, взвился на дыбы и потом, заложив ушк назад, помчался полным карьером по улице... Фуражка моя слетела. Я вцепился в коня и не старался удержать его.

Только на самой окраине станицы мне удалось перевести “Зораба” на шаг. Перепуганный конь дрожал всем телом. К моему глубокому стыду, он был совершенно мокрый и покрытый хлопьями мыла.

Когда я привел его на площадь, Назаров очень строго посмотрел на меня, но не сказал ничего обидного. Я был очень смущен.

Некоторое время спустя станица опустела: молодые казаки ушли на фронт. Как-то не стовариваясь, несколько моих друзей и я сам решили ехать тоже к Назарову в полк.

Самое трудное было уговорить мать добровольно отпустить меня на фронт. Бежать из дому, как это я уже делал в начале Гражданской войны, я больше не хотел. Мать, узнав о моем решении, умоляла меня не бросать ее: отца уже не было, старший брат дрался на Кубани, в рядах Дроздовского конного полка. Но я был непоколебим и угрожал, в случае отказа, уехать на фронт без благословения. Мы проговорили с матерью всю ночь. Когда стало уже светать, мать в изнеможении тяжело вздохнула и сказала мне:

— Ну, что ж, тогда поезжай с Богом. Пойдем, помолимся вместе....

Мы стали с нею на колени перед нашими почерневшими старинными образами, а затем мать, заливаясь слезами, простила и благословила меня в ратный путь.

Мы сначала приехали в Кривой Рог, только-что очищенный от большевиков восстанием офицеров. Запуганный хозяин пустой гостиницы, где нам были отведены комнаты, долго и растерянно извинялся за беспорядок: в залах валялись переломанная мебель, груды разбитого стекла, на полу виднелись какие-то подозрительные темные пятна, обои были испещрены следами пуль.

Потом мы проехали Николаев и, наконец, в имени "Красное озеро", в Екатеринославской губернии, догнали 42-й полк. Назаров принял нас и приказал зачислить всех в 1-й взвод 1-й Партизанской конной сотни. Его командовал выслужившийся из простых казаков в германскую войну хорунжий Воропаев, высокий, сухощавый и молчаливый, с темным от степного загара лицом. Вахмистром же нашим оказался новочеркасский реалист Иван Ашуркин, доблестный партизан Чернецовского отряда и Степного похода.

Командиром Партизанского конного дивизиона был сын директора Новочеркасской гимназии есаул Фролов. Небольшого роста, со светлыми волосами, в пенсне, всегда веселый, он был общим любимцем партизан. Точно также любили все и Назарова.

42-й полк стоял на отдыхе, приводя себя в порядок после недавних боев на Днестре, в особенности у Кичкасского моста. Большевики, кажется, отходили на запад, в сторону Херсонской губернии.

Через несколько дней полк выступил в поход. Деятельность наших конных сотен проходила в разведке и в охране полка, продвигавшегося вперед довольно осторожно. Разъезды, наконец, выяснили, что противник несомненно отходит прямо на запад и такими же этапами, как и 42-й полк. Из-за этого расстояние, отделявшее нас от большевиков, оказывалось почти все время неизменным, приблизительно 30—50 верст. Войти в соприкосновение с красными нашим разъездам никак не удавалось.

В одну из дней, наш взвод, под начальством казака-урядника, был послан за фуражем в соседнюю слободу. Придя туда, мы расположились с лошадьми во дворе богатого мужика, которому было поручено собрать и подготовить к отпавке заказанный фураж. Я остался с лошадьми и моими друзьями на воздухе, а партизаны разошлись по соседним дворам, в поисках еды.

Некоторое время спустя, из хаты хозяина пошел громкий плач, возмущенные голоса. Мы увидели нашего взводного урядника и нескольких партизан, тянувших из дома ворох какого-то добра. Они отбивались от наседавших на них баб, которые умоляли казаков отдать им вещи. За ними выскочил и сам хозяин, окруженный мужиками, возмущенный и тоже увещевавший казаков. В это время мальчишка — сын хозяина, пользуясь суматохой, бросился в конюшню и сейчас же вылетел из нее галопом на неоседланной крестьянской лошади. Пронесшись через двор, он карьером помчался в штаб полка.

Не прошло и четверти часа, как мы услышали

вдали приближающийся звон бубенчиков. Затем во двор, в облаке пыли, внеслась тачанка. С нее сошел Назаров и его адъютант. Они прямо направились к дому хозяина. На пороге Назаров сказал уряднику:

— Немедленно собрать взвод!

Когда взвод выстроился, Назаров подошел к строю и размеренно объявил:

— Здесь произошел грабеж. Я сажусь один в глубине комнаты, что налево от входа, спиной к двери, и кладу перед собой часы. Даю ровно десять минут, чтобы все награбленное было возвращено и сложено у порога комнаты. Если после десяти минут хозяин мне заявит, что чего-то не хватает, будет обыск. Винового лично пристрелю тут же на месте. — Назаров вынул из кобуры наган, проверил барабан и вошел в избу.

Поднялась суматоха: из сум и подушек быстро появились запрятанные в них вещи. Торопясь, почти бегом, провинившиеся сносили их в хату и, бросив на пороге комнаты, сконфуженно возвращались ко взводу. Все это было закончено в несколько минут.

Через четверть часа Назаров вышел из дома, закладывая наган в кобуру. Мужики и бабы, утирая слезы, громко благодарили его и кланялись до земли. Зрелище было не из приятных.

Назаров бросил взводу:

— Все в порядке. Чтобы подобного больше не повторялось!

Сев в тачанку, он приказал вознице трогать и понесся обратно в полк.

На следующий день Партизанский дивизион выступил дальше. Стояло очень жаркое и сухое лето. Каждый день разведка сообщала один и тот же результат: — Противник отходит на запад и находится приблизительно в 40—50 верстах. — Каждое утро в безлюдной ровной степи расходились дозоры, вытягивались по проселочной дороге головные конные части 42-го полка. Хлеб кое-где был уже скошен. В других местах расстилались еще нежатые кукурузные поля, созревающие бахчи.

Мы прошли какое-то богатое пустое имение, где нашли штаб нашей бригады. Потом опять открылись со всех сторон необозримые пространства Херсонской степи...

На одной из остановок поздно вечером меня вызвали по списку:

— Ты назначаешься в глубокую разведку, — сообщил мне вахмистр Ашуркин.

В полной темноте, назначенная в разведку группа партизан собралась на окраине деревни. При свете потайного фонаря начальник разъезда прочитал поставленную нам задачу. Она сводилась к тому, чтобы во что бы то ни стало догнать отступающего противника, войти в боевое соприкосновение с ним и этим выяснить его силы.

Мы тронулись в путь. Разговаривать и курить было строжайше запрещено. До рассвета разъезд шел очень осторожно, с сильно подтянутыми дозорами, но, как только начало светать, дозоры продвинулись да-

леко вперед и в стороны, а колонна пошла переменным аллюром.

Около полудня, слева от дороги показались постройки кирпичного завода отца Троцкого.

Часам к двум, под палящим безветренным небом, отряд добрался до деревушки немецких колонистов, вытянувшейся вдоль большого шляха, который уходил прямо на юг. Немцы спокойно приняли нас, сами занялись нашими лошадьми и потом кормили партизан сытным завтраком. Они сказали, что накануне здесь прошел небольшой отряд большевиков. Награбив у них всякого добра, красные сейчас же ушли дальше на запад. Большевики могли быть в данный момент в соседней большой слободе. До нее оставалось еще немного более пяти верст. Начальник разъезда прикинул время и, несмотря на утомленность лошадей и людей, решил идти дальше. Когда мы выезжали из деревни, на юге, далеко над горизонтом, наметился большой высокий столб пыли. Немец-колонист беспокоился поглядывая на него и сказал:

— Кто-то идет сюда... Много людей, а кто они? Ваших тут нет. Уходите, пока вас не заметили.... — и объяснил дорогу к слободе.

За деревней расстилалось довольно большое болото. Через него была положена длинная шаткая гать. Пройдя ее, мы свернули с дороги и пошли рысью по открытому полю.

Солнце спускалось низко над горизонтом, когда разъезд остановился. Перед нами лежала широкая лощина, за нею, верстах в полутора от нас, — большая слобода, утопавшая в зелени садов.

Начальник разъезда, рассмотрев подступы к ней, вызвал трех охотников и приказал им въехать в слободу с разных направлений. Выяснив от жителей, где находятся в данный момент большевики, партизаны должны были немедленно присоединиться к отряду.

Два партизана начали разъезжаться, спускаясь по склону лощины. Третий немного задержался и, когда он собрался ехать, разглядывавший в бинокль местность юнкер обратил наше внимание на какого-то конного в защитной форме, стоявшего в полуверсте от нас в открытом поле. Он не замечал нас и продолжал разговаривать с какой-то бабой. Мы указали конного нашему третьему охотнику и тот, сбросив винтовку, сразу пошел к конному. Тот долго не замечал нашего партизана и только тогда, когда последний выстрелил на скаку в него, и перешел в карьер, красноармеец поднял свою лошадь и помчался к слободе. Оба всадника исчезли в зелени ее садов.

Наступила полная тишина. Мы ждали дальнейшего, всматриваясь в окраины деревни.

Вдруг в нескольких местах послышались беспорядочные выстрелы, перешедшие вскоре в настоящую перестрелку. Она вспыхивала с промежутками несколько раз. Где-то в глубине деревни заработал пулемет. Стрельба отдалялась, потом стихла совсем. Наступило томительное долгое молчание. Наши партизаны не появлялись обратно. Все становилось возмож-

ным: может быть, все они трое были перебиты в деревне.

Несколько партизан вызвались ехать в слободу узнать, в чем дело, но в это время на окраине ее один за другим показались наши разведчики.

Они рассказали, что в слободе они нарвались на группу большевиков, грузивших какое-то имущество на подводы. Красные открыли огонь, и бросились уходить в сторону полустанка Трикраты. От местных жителей партизаны узнали, что большевики отходят на город Вознесенск, где много красных. До Вознесенска оставалось верст десять. Встреченный в слободе отряд большевиков насчитывал человек пятьдесят. Конный же, обнаруженный в поле, успел уйти от нашего партизана благодаря большой резвости его лошади.

Задача была выполнена. Сейчас же наш отряд повернул обратно и пошел бодрым ходом на соединение с полком. Уже в темноте мы прошли болото и прибыли в немецкую деревушку, так гостеприимно встретившую нас днем. Жители сообщили нам, что не больше часа тому назад здесь прошла на север большая колонна красных. Это от нее поднимался в степи высокий столб пыли, замеченный нами раньше. Таким образом, наш отряд необыкновенно удачно прошел туда и обратно: только что проследовавшая колонна большевиков и не подозревала о нашем присутствии в ее тылу. Мы шли всю ночь переменным аллюром, с очень короткими остановками, и только на следующий день, мертвые от усталости, от покрытых почти ста верст пути, присоединились к полку.

Пока мы отдыхали, по всем сотням шла быстрая и спокойная подготовка к предстоящим операциям. Немного погодя, полк выступил.

Проходя одну из деревень, населенную исключительно евреями, мы очень развеселились: вдоль дороги, в каждом дворе, стояли смирно, отдавая честь, все обитатели — старики, бабы и дети. Рядом с ними были приготовлены ведра с водой. Поднесший воду моему коню старик оказался в большом затруднении: у него не хватало сил держать ведро одной рукой и отдавать честь другой, не отрывая ее от ермошки...

Этот забавный парад был подготовлен, конечно, вахмистром Ашуркиным, проехавшим здесь до нас с группой квартиреров.

Еще дальше я сам вызвался ехать квартирером с тем же Ашуркиным и несколькими партизанами.

В степи мы заметили около самой дороги небольшую кучку людей: у развалин какой-то постройки стояло человек шесть казаков и заседланных лошадей. Один из них, держа лошадей, флегматично крутил папироску. Другие казаки держались полукругом и молчали. За ними, у стены, лицом к нам, стояло четыре каких-то человека, одетых не по-крестьянски, и перед ними два пожилых казака. Я прислушался. Один из старых казаков, пощипывая свою бородку, спрашивал:

— Так, значит, ты говоришь, что ты — не жид?

От стены донеслось:

— Побей меня, Бог... Никогда не был жид. Зачем мне? Я такой же, как и все...

— А хрест-то на тебе есть? Показывай!

— Я оставил его дома. Зачем он мне в степи?

— Хм... Так ты русский.. А ну-ка скажи: куку-гуза... — и казак приложил руку к уху, наклонив его к допрашиваемому.

— Ну, что... кукугуза...

— Как? Повтори еще раз.

— Ку-ку-гуза... ну-да, ку-ку-гуза...

Казак молча взял его за пуговицу и отодвинул в сторону.

— А вам чего тут, господин кадет? — вдруг обратился ко мне недружелюбно ведший допрос казак:

— Не ваше, значит, это дело. Наш разъезд нашел их в степу и нас только это касается... Поезжайте дальше... Мы сами разберемся!..

Мы переглянулись и отъехали. Минуть десять спустя позади глухо хлопнули два винтовочных выстрела.

К полку в эти дни продолжали присоединяться одиночками и группами добровольцы. Среди них было немало немцев-колонистов, сильно пострадавших от большевиков и ненавидевших соседей-евреев, которые в какой-то мере помогали красным. В деревушке поступил в наш дивизион рыжий рослый пемец, недавно угощавший нас у себя обедом. Хотя он очень плохо говорил по-русски, ему поручили синий партизанский значек и он с гордостью на своей собственной лошади стал в голове колонны. Так мы пришли в Слободу, где наш разъезд столкнулся с большевиками.

Иван Сагацкий

(Продолжение следует)

Из Польши на Украину

С III-й РУССКОЙ АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛА ВРАНГЕЛЯ

(Окончание)

1-го ноября.

В 9 часов утра выступили в с. Козьково. Переход 16 верст. В д. Рутор сделали легкий привал. Конным и кучерам выдали винтовки. Вечером на квартире у Есаула П. были устроены "досветки".

2-го ноября.

В 9 ч. выступили в д. Чернятина Большая. Переход 25 верст. Деревня оказалась занятой поляками. Устроились неважно и в хате довольно-таки бодрящая температура.

3-го ноября.

В 9 ч. выступили в м. Красилов. Переход 20 верст. В местечке можно кое-что купить. Квартира попала чистая, но холодная и голодная.

Хорунжий П. вернулся. В штабе Армии ему ска-зали, что к нам в отряд идет дивизион из Ровно.

Вечером был у Есаула П. У него хорошая квар-тира у поляков, хорошенькая барышня. Угостили яб-локами, чаем с сахаром, маслом, молоком, повидлом.

4-го ноября.

Сегодня в 8 ч. выехал с квартирными в д. Мар-тыновку, а батарея осталась в м. Красилов. Переход верст 25. Деревня оказалась свободной. Стоят только 7 человек с офицером Терского полка (бригады Есау-ла Яковлева). Вечером приехал артельщик и фуражир. Завтра должна прибыть батарея.

5-го ноября.

Утром развел квартиры. Постройки прекрасные. Познакомился с учительницами — их две. Взял по-читать книгу. Вечером получил приказание вернуться обратно в Красилов. Через десять минут привезли другое — оставаться.

6-го ноября.

Часов в 5 вечера получил приказание ехать в д. Везденьки и там ночевать. Туда же приехали Подъ-есаул М. и Хорунжий Н. Передали новости: Донской полк и батарея будут называться имени Атамана Краснова (в отношении батареи это не подтвердилось и она была названа позже — Атамана Каледина), а Донской полк и батарея бригады Есаула Сальникова — имени Ген. Мамонтова. Идут нелады с Яковлевым. Донцы освободили арестованного офицера и увели 40 человек терцев.

7-го ноября.

С утра развели квартиры. Деревня ничего. Сегодня воскресенье и везде варят вареники. Конфликт с Яковлевым усилился. Передают, что Донской полк со-бирается перейти к нам.

8-го ноября.

Утром пошел к Подъесаулу М. Поел вареников. Поляки 10-го заключают мир. К ним отходит Волин-ская губ. Мы стоим сейчас как раз на границе. Полк Духопельникова вошел в состав бригады Ес. Сальни-кова. Батарея его пока отдельная. К нам идет, по слухам, полк Есаула Фролова (800-900 коней и много пулеметов). В 11 ч. почти получил приказание, что завтра переходим в д. Мартыновка. Я еду квартирне-ром.

9-го ноября.

Утром зашел к командиру. Он показал мне при-каз Есаула Яковлева по дивизии от 7-го ноября, где он говорит о недоразумениях с нашими частями и

приказывает всякую появившуюся в районе дивизии часть обезоруживать и направлять в штаб дивизии. Поехал прямой дорогой, не через Черный Остров, а восточнее и приехал, как и следовало ожидать, без всяких недоразумений.

10-го ноября.

Ночью получил приказание о том, что завтра в 8 ч. построиться и идти в д. Грузевицу, где нас будет смотреть французский генерал.

11-го ноября.

Ходили в Грузевицу. Повторилась обычная история — ждали, ждали, недождались и разошлись. Только что мы ушли, как говорят французский генерал приехал.

При нашей дивизии формируется дивизион: одна сотня кубанская и одна из крымских татар.

Днем, случайным выстрелом, казак нашей батареи Емельянов ранил из револьвера девочку. Так как это внучка моей старой хозяйки, то бабка ходит и стонет.

12-го ноября.

Д. Мартыновка. Утром зашел Украинский комендант и сообщил, что этой ночью в м. Черный Остров вырезали два еврейских семейства. Утром же отрывали тело польского Каменец-Подольского губернатора, зарубленного конницей Буденного в д. Мартыновке.

После обеда приехал командир из Проскурова. Город грязный. Цены, по сравнению с Польшей, огромные. Туда перешел Донской полк на охрану города.

Дивизия Ген. Бабошко и бригада Есаула Сальникова пододвинуты ближе к фронту, т. к. там был прорыв у Деражни, который украинцы ликвидировали.

Разговаривал он с Есаулом Печерским (Терец) перешедшим к нам от Яковлева. Тот передал, что Яковлев — штабс-капитан артиллерии, не казак. Меня это заинтересовало. До сих пор я не обращал внимания — мало ли в России Яковлевых — но теперь начинаю думать, не тот ли это Яковлев, которого я знал.

(Позже, когда я встретил его однажды в Польше, оказалось, что это действительно мой сверстник по Михайловскому Арт. Училищу I-го ускоренного выпуска, б. кадет Воронежского кад. корпуса. Нормально мои сверстники окончили Великую войну штабс-капитанами. Как и когда он стал есаулом — мне неизвестно. В училище — то были первые месяцы войны, о казаках говорили много, но он симпатий к ним не питал, утверждая, что они никуда не годятся. Какие у него были для этого данные, не знаю, но апломб уже в то время у него был большой.

Со своей бригадой он участвовал в конце августа в операции против Кон. Армии Буденного, попавшей в мешок в районе Замостья и жестоко потрепанной в этой операции. По советским источникам (Л. Ключев. Первая конная красная армия на Польском фронте в 1920 г. Гос. воен. изд. Москва 1932) 27-го августа 1920 г. 4-я кав. дивизия Буденного в районе м. Тыш-

ковцы вступила в ожесточенный бой с каз. бригадой Ес. Яковлева в 750 шашек и к вечеру этого дня конной атакой разбила ее, захватив 120 пленных, 3 орудия и 200 лошадей. 28-го августа были захвачены пленные 1-го Терского и 2-го Донского полков. 29-го августа у Шевня II-я кав. дивизия разбила остатки каз. бригады.

К этим сообщениям следует относиться, впрочем, с большой сдержанностью, т. к. 31-го августа, при отходе на Грубешов, 4-я кав. дивизия опять разбила «упорно сопротивлявшиеся два батальона 30-го полка, батальон 142-го полка и два эскадрона казачьей дивизии, взяв до 700 пленных и изрубив до 400 и освободив дорогу для выхода Конармии на Грубешов».

Коннице Буденного (4-я, 6-я, 11-я и 14-я кав. дивизии и отдельная бригада особого назначения) хотя и удалось выбраться из мешка, но неотступно преследуемая поляками, она теряла материальную часть и обоз и понесла тяжелые потери. В бою у д. Рачице 3-я бригада 14-й кав. дивизии почти полностью погибла, потеряв весь свой командный и комиссарский состав. Совершенно измотанная конница Буденного 24-го сентября получила приказ оторваться от противника и отойти в район г. Бердичева.

Обещают вскоре выдать жалованье.

Население Проскурова, особенно интеллигенция, настроено резко против Петлюры.

В украинской газете пишут, что Ген. Врангель отступает под натиском на новые позиции.

13-го ноября.

Командир, зав. хозяйством и подьесаул М. поехал в село Бубновку. Я остался заместителем. Вечером вызвали командиров частей на важное совещание. Ездил в штаб. Новости таковы: красные прорвали Украинский фронт в центре и главные силы их действуют от Копайгорода на Елгушково. Там же работает конная бригада тов. Котовского в составе 500 коней.

Для ликвидации прорыва направлены: 3-я, 4-я и 5-я Украинские дивизии.

На левом фланге Запорожская дивизия, при поддержке конной бригады Есаула Яковлева, перешла в наступление.

Бригада Есаула Сальникова, усиленная двумя сотнями уральцев, сосредотачивается в районе дивизии Ген. Бабошко.

Наша Сводно-казачья дивизия переходит завтра в район г. Проскурова. Батарея, штаб и терский дивизион в с. Ружична (3 версты к югу от Проскурова).

Полк Есаула Фролова действует пока самостоятельно с украинцами.

Ген. Махров возвратился из Парижа. В Варшаву приехал председатель Донского Круга Харламов и еще какой-то донской генерал, фамилию которого Ес. Л. не мог назвать (Сычев?).

14-го ноября.

В 9 ч. утра выступили и перешли в д. Ружична. Село хотя и большое, но бедное. Командир еще не

вернулся. Нет продуктов, фуража и нечем кормить. Вечером вызвали в штаб. Разрешено нам реквизирировать лошадей. Опять утешили, что пушки идут, а в Штаба Армии есть амуниция.

15-го ноября.

Приехал командир. Завтра и послезавтра идем в Черный Остров для организации дивизионного транспорта и доформирования.

16-го ноября.

С утра выступили в Черный Остров. Ночью прошли отступающие украинские обозы. Оказывается на фронте дела дрянь. Наша дивизия получает к вечеру диспозицию. Украинцы определенно метутся.

В Черном Острове расположились хорошо. Мой взвод в Марьяновке, первый — на Большой Горе, а обоз, разведчики и штабные повозки в самом местечке.

Вечером собрались у командира и разговаривали о положении. Если дела не поправятся — придется интернироваться. Сведения с фронта таковы: Ген. Бабешко отбил два бронепоезда — “Углекоп” и “Лейтенант Шмитт”. Красные прорвались на Ярмолинцы. Сальников и польский партизанский полк остались в тылу у красных. Все это слухи.

Завтра переходим в д. Дзелинцы. Штаб Армии в Черный Остров.

17-го ноября.

Утром пошел в собрание. На завтрак оказалась только жареная картошка, но потом хозяйка принесла сметаны, сыру и молока — правда немного. В 10 часов выступили в д. Баглаи (переход 16 верст), оставив в местечке Есаула П. с командой казаков.

На фронте дела как-будто поправились.

18-го ноября.

Днем получили приказ перейти в с. Гайданская. Наши части отходят с целью занять более узкий фронт. Есаул П. прислал утром сахару, табак, бумаги и, найденный у жителей, пулемет.

Ввиду того, что Гайданская занята, остановились в д. Рабиевка. Тут же обозы нашей дивизии.

Вечером была слышна орудийная стрельба.

19-го ноября.

Днем, под влиянием тревожных слухов о положении на фронте, поднялась паника. Обозы смелись в м. Купели. Мы пошли вслед за ними. По дороге пошли сведения более успокоительные. В местечке поляки. Нас не трогают. Остановились ночевать.

20-го ноября.

20-го ноября.

М. Купели. Утром пошли к командиру. У него сидели польские офицеры. Выясняется наша судьба.

В 12 ч. сдали винтовки, патроны, пулемет, повозки и лошадей. Все это описали, но не отобрали, а под конвоем польских солдат все поехало с батареей.

После обеда перешли в д. Левковцы. В штаб дивизии послали донесение, при чем поляки дали пропуск.

Бой идет. Пока польскую границу перешли обозы, батарея дивизии Ген. Бабешко и не знаю какие части бригады Ес. Сальникова. Ясно слышны орудийные выстрелы. Изредка видны вдали высокие разрывы прапорец.

21-го ноября.

Дер. Левковцы. В 12 ч. ясно слышна орудийная, ружейная и пулеметная стрельба. Послали Хорунжего С. выяснить обстановку. Оказывается большевики уже дошли до самой границы. Штаб дивизии и конные сотни стоят в д. Холодец. Где перешла границу пехота — неизвестно. Вечером получили приказ выступить в д. Авратин. Поляки не пустили — нет приказа. Послали за приказом и, получив его часов в 11 вечера, двинулись. Пройдя Авратин пошли дальше на Новую Греблю. Перед входом белый флаг. Оказывается, что это уже в районе красных. Спешно пошли дальше и к 6 час. утра пришли в д. Пальчинцы.

23-го ноября.

В 7 ч. выступили догонять дивизию. Прошли благополучно. В д. Каменцы поляки произвели перетруску. Вещей, кроме казенных, не брали. Лошадей также оставили. В 8 ч. вечера остановились ночевать в д. Терпиловка. Вечером были слышны орудийные выстрелы.

25-го ноября.

В д. Клевановка, куда перешли накануне, до нас дошли слухи, что Ген. Врангель разбит и с 20-ю тысячами погрузился и уехал по одним сведениям в Сочи, а по другим в Константинополь.

30-го ноября.

Продукты стали давать лучше. Сегодня получили буханку хлеба на 4 человека, банку консервов на двух, селедку и по 40 штук сигареток. Сегодня читали сводку о Ген. Врангеле. Оказывается он под натиском в десятеро больших сил противника и сильного десанта в Керчи, должен был эвакуироваться на 100 судах в Константинополь. Всего уехало 120 тысяч, из них 75 тысяч бойцов.

10-го декабря.

Перешли в район Тарнополя и получили приказ, чтобы комиссия сдать лошадей, седла, повозки и упряжь. Оставить только походные кухни с лошадьми. На следующий день все сдали.

Простояв в районе Тарнополя до конца года, мы получили, наконец, 31-го декабря приказ выступить и грузиться на станции Кулачки (14 верст от Тарнополя). Выступили только 3-го января, в 3 ч. с наступлением темноты прошли Тарнополь, выбрались, наконец, на дорогу — но убийственную дорогу, грязь по колено, и в 9 ч. промокшие под дождем и все в

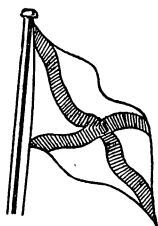
грязи пришли на станцию и через полтора часа потру-зились в холодные вагоны.

4-го января утром поехали в Остров-Домжвинский, куда прибыли 9-го, а 10-го января пришли в артиллерийские казармы (б. русские), где Сводно-Казачья дивизия и была интернирована. Прочие части 3-й Русской Армии были интернированы по другим городам. 12-го февраля перешли рядом в Кмаровские казармы, где помещения были еще лучше. Туда же через несколько дней прибыла 1-я стр. дивизия, а затем Донской полк Полк. Духопельникова и Донской полк Еса-

ула Фролова. Туда же были прислапаны 70 казаков — Домцов, Кубанцев и Терцев, перешедших от красных в районе г. Ленеля, где они стояли на пограничной службе. 20-го августа 1-я стр. дивизия ушла в м. Ту-холь (на Поморье). Туда же 1-го ноября была направлена и Св. Каз. дивизия. Это был б. немецкий ла-герь для военно-пленных с плохими бараками, и здесь началась ликвидация армии постепенным разбездом на работы.

Е. Ковалев.

День на крейсере

Отстоявший “собаку”, то - есть вахту от 12 часов ночи до 4 часов утра, мичман М., буркнув:

— Все в порядке. На вахту — свистали. Книга приказаний в рубке, — поспешно спускается по трапу вниз, предвкушая долгожданный сон, тот, что на крейсере называется “крепкий, казачий”.

Сменивший его мичман А., стоит некоторое время в обалдении после резкой перемены между прерванными сновидениями и действительностью на палубе крейсера. Пятиминутное одевание, чтобы выскочить на-верх, точно в момент 8-го удара “склянок”, не позд-нее, было недостаточным перерывом, чтобы очнуться от спов, опоздание же на вахту — единственное преступ-ление в мичманском кодексе, которое непростительно, все остальные грехи имеют свои компромиссы.

Вокруг темно. На шкафуте, при слабом освещении пары электрических лампочек, выстраивается “засту-пающее”, как говорят матросы, отделение на вахту. Новый вахтенный унтер-офицер распределяет людей по постам, выкрикивая их номера, заменяющие на кораб-ле для краткости фамилии, а затем, когда последний “дневальный фитиля”, повернувшись по строевому, направляется к своему месту на баке, получает от сво-его предшественника “сдачу”, т. е. сведения о спу-щенных шлюпках, особые распоряжения и другие де-тали судовой жизни, что теплится и ночью на крейсере. Затем, оба подходят с рапортом к вахтенному началь-нику, который, выслушав их, еще хриплым голосом, командует:

— Подвахтенные вниз.

Первый час этой вахты — самый тяжелый в ощу-щении мичмана: попробовать ходить, заставляя себя следовать одной и той же половицы палубы, не пройти и десяти шагов не качнувшись. Если присесть на одну лишь минуту на стул в рубке — голова поехала ку-да-то вокруг, а нос неожиданно клонул вниз... Не годится, лучше походить, хотя бы покачиваясь.

— Теперь, — думает мичман А., — зайти в рубку покурить и все будет в порядке. — Курить на вахте воспрещается, но... — хотел бы я одним лишь глазом видеть такого образцового вахтенного начальника, ко-

торый не курил бы на ночной вахте. — Находиться в рубке — тоже не полагается, но раз книга прика-заний старшего офицера там, значит войти туда не-обходимо. А пока ее читаешь — присесть тоже не боль-шое преступление: крейсер на якоре, погода на рейде тихая, что может случиться? Опасность, следовательно, грозит только со стороны трапа, выходящего в рубку прямо из командирского коридора... — Но что бы ни рассказывали о странностях командира (мичман попал на крейсер недавно прямо из корпуса) — не ходит же он без сапог. — Я же услышу его шаги. Одно дви-жения — и я на палубе — с этими мыслями А. са-дится, закуривает папиросу и медленно читает распо-ряжение о пробудке команды, завтраке, мытье чехлов и брезентов, скачивании палубы, чистке меди, одним сло-вом все то, что надо выполнить до подъема флага. К концу чтения он чувствует, как ослабевшие мускулы приковывают все его тело к стулу и появляется тяга хоть на мгновение опереться локтями на стол, положить голову... “Но, нет, не поддамся”, — вскакивает он, — “лучше обойду всех вахтенных, а там — и рассвет вскоре”.

Решительными шагами мичман направляется по шкафуту на бак. Возле фителя двое вахтенных разго-варивают вполголоса, на полубаке у гюйса часовой не спит, его там слишком продувает ветром. По продоль-ному мостику мичман возвращается обратно, чувствуя себя бодрым, сон пропал бесследно и в этот-то момент на кормовом мостике он натывается на прикурнувшую к прожектору, в полусидячем положении, фигуру ус-нувшего сигнальщика.

— Ты что же это. Спать? — хлопает он его по плечу. Виноватый вскакивает как от электрического тока.

— Так что разомлел, вашескобродь, — выпучив глаза, лепечет матрос.

— А ты не млей, Левченко, вне очереди на “соба-ку” поставлю... Сигнальщики, — громко окрикает вахтенный начальник. — Что это вышка сигналист?

— Так что катер с “Громобоя” вызывают... опоз-давшие господа на берегу ждут, — докладывает сиг-нальный старшина, “понимающим” тоном, вполголоса.

“Не иначе, что Н. и Л.”, — соображает мичман, который с этими двумя приятелями сам был до пол-

ночи в ресторане, но последним вечерним катером вернулся на крейсер, в предвидении вахты, как это было ии. досадно. — “Вот, черти, куда же они направились после двух часов ночи, когда закрылся ресторан”, — и эти соображения заставляют его временно забыть о виновном сигнальщике.

Предразсветная картина рейда невольно привлекает его внимание: бледно-розовый горизонт в стороне моря постепенно переходит в темно-синий купол неба с уже гаснущими звездами. Противоположная же сторона купола покоится на сонном и молчаливом городе, куда убегают из порта вереницы светящихся точек уличных фонарей. Резко очерчена двойной линией таких же точек береговая полоса, половина из них — на набережной и почти столь же яркая вторая половина — отражения в темно-фиолетовых водах вблизи береговой черты.

“Вот, она, спит сейчас, и так регулярно каждую ночь, и не имеет представления о тех красотах, что мы наблюдаем иногда на ночных вахтах”, — думает мичман, воображение которого стремится за светящимися точками внутрь города. Оставив тайну, кто “она”, на ответственности мичмана, мы только заметим, что его сердце смягчается, и спускаясь с мостика, и в тот момент вспомнив о заснувшем сигнальщике, он его не наказывает, а лишь строго говорит:

— Так смотри, Левченко, чтобы это в последний раз было.

— Так точно, вашскобродь, — радостно отвечает провинившийся и подмигивает старшине: — Пронесло, мол, хороший мичман.

— Вахтенный. Побудка, — командует А. и в последний раз идет в рубку покурить и возобновить в памяти приказания старшего офицера.

Переходя с протяжного призыва на настойчивый и кончая почти веселым, звучит горн, поднимая из подвесных коек шестьсот здоровых молодцов команды крейсера.

— Койки наверх, — следуют трели дудок, одна за другой, боцмана и дежурные по палубам подхватывают распоряжения с вахты.

Солнце еще едва над горизонтом и только лишь слегка своими скупыми северными лучами начинает согревать море и воздух, а уже утренняя приборка идет полным ходом на палубе крейсера. В засученных выше колен рабочих парусиновых штанах, кто щетками, кто деревянными лопатами, матросы “проходят” верхнюю палубу от форштевня и до самой кормы, где застыла фигура часового над двуглавым золотым орлом. Бодро, весело и с шутками шлепают матросы голыми пятками по лужам воды из помп. Вахтенный начальник обходит все углы, следя, чтобы не было пропусков, сухих мест, не протертых швабрами.

— Доброе утро, отец Константин, — встречает он судового священника, направляющегося к нему, выбирая места посуше, и одновременно А. замечает

матроса, что с виноватым видом держится позади батюшки.

— Что случилось?

— Да вот он, — оборачиваясь и укоризненно показывая пальцем на матроса, говорит отец Константин, — такие слова употребляет, ругательства самого последнего отбора, слышать противно. И стыд его не берет.

— Ты что же это, с. с...., при батюшке ругаешься, ядрена твоя вошь, — строго замечает вахтенный начальник, а священник, отмахнувшись рукой при первых же словах мичмана “для вразумления” замеченного в брани матроса, спешит скорей прочь, боясь услышать еще более соленый лексикон.

Палуба сверкает белизной. Чистка меди приближается к концу и старший боцман, кондуктор Чуркин, плавающий на старом крейсере еще до времени его постройки, т. е. видевший его и в боях с японцами, и в заграничном плаваньи с гардемариными, и в штормы с лиловыми тучами, превращавшими день в ночь, и под яркими летними лучами солнца во время высочайших смотров. Он заглядывает по пути во все закоулки, направляясь к вахтенному начальнику с рапортчиком в руке. Там помечены все сведения о наличном составе, больных, арестованных, а количестве угля, о запасе пресной питьевой воды.

При приближении Чуркина, мичман А. первый здоровается со стариком, обращаясь к нему по имени и отчеству, чтобы предупредить его официальный рапорт, но боцман все же вытягивается, отдавая честь и передает рапортчику, которую даже не читая, вахтенный начальник шлет старшему офицеру, несомненно уже на ногах и вероятно в одиночестве пьющему кофе в кают-компани.

В руках у Чуркина дудка, по многолетней привычке. Но пользуется ею он редко, чаще ее цепочкою, для подбодрения того “молодого”, который, случится, забудет, что на корабле все приказания исполняются бегом.

— Вахтенный. Доложи мичману Колубакину, что без 20 минут восемь.

— Есть, — отвечает унтер-офицер и дробью спустившись по трапу в офицерский коридор, стучит в дверь каюты вступающего на вахту офицера. Изнутри — никакого ответа. Вторичный стук, более настойчивый, — также без результата. Тогда вахтенный решительно открывает дверь и, шатнувшись внутрь, трясет спящего мичмана за плечо.

— Вставайте, вашескобродь, без двадцати минут, вам “на вахту”.

— Отстань. — слышится слабый протест.

— Пожалуйста на вахту.... Время “без четверти восемь”.

— Хорошо. Скажи — я встаю.

Но вахтенный знает, как тяжел на подъем мичман, и, выходя, поручает его вестовому Проницу.

— Пронип, поди не давай “Коле” уснуть, — говорит он.

Надо сказать, что хотя мичмана зовут Константи́н Николаевич, но с первого дня на крейсере, а,

вероятно, еще со времен Корпуса, его принято называть в кают-компании "Коля Бакин", и это же передалось команде, возможно через вестовых. Пронин стоит несколько минут, укоризненно глядя на своего барина, а затем — решительно тянет с него одеяло, приговаривая:

— На вахту вам, на вахту, вставайте скорее, десять минут остается.

Тогда Коля, наконец, вскакивает, протирает глаза, хватая часы и убедившись, что на них без 12 минут восемь, наспех натягивает одежду, бросается к умывальнику.

— Ну что же это, Пронин, опять не разбудили меня во-время, — сердится он.

5—6 минут на туалет, скорее с вешалки шарф, кортик, фуражку в руки и — беглым шагом в кают-компанию, где Пронин уже ставит перед ним стакан горячего кофе, придвигает булочки, сыр и масло. Но садиться — нет времени. Булочки свежие, аппетитные. Коля набивает рот, обжигается горячим кофе, а уже слышен доклад вахтенного старшему офицеру:

— Вашскобродь, через пять минут подъем флага. без церемонии.

— Доложи командиру, — отвечает старший офицер, одевая фуражку и обращаясь к Коле:

— Константин Николаевич, ты на вахту? — на крейсере все офицеры были на "ты".

— Так точно, Александр Семенович, — и тянется за вторым стаканом кофе.

— Так вот, когда вступишь на вахту, спусти второй паровой катер, а номер 1-й подними; 2-й гребной катер — послать на берег, на песок, "выдраить" его как следует: на нем же отправь вымыть артиллерийские чехлы. Чуркин знает какие. Маты тоже не забудь.

— Есть, есть, — в промежутки между двумя кусками булки отвечает Коля, который одновременно слышит за собой шаги старших специалистов, идущих наверх, для рапорта командиру, каждый по своей части. А староф быстро доканчивает:

— К 9-ти часам капитанский велбод к трапу, командир едет к адмиралу. Да не забудь шестерку за провизией послать пораньше, — говорит он уже в дверях, спеша выскочить наверх, т. к. по корридору слышны шаги командира.

Через минуту сверху доносится команда:

— На флаг. На гюйс. Смирно! — и едва Коля приближается к концу второго стакана, — "флаг и гюйс поднять!"

Коля, не успев даже закурить после кофе, — а курить смертельно хочется, — нахлобучивает фуражку и бросается к трапу. Его голова уже на уровне палубы, когда после медленного подъема флага, вахтенный начальник командует:

— Вольно. Свистать на вахту!

Одергивая полы кителя и принимая служебный вид, Коля подходит к мичману А., который бодро его встречает:

— Здорово, Коля. Принимай бразды правления и распоряжайся. — говорит он, уже снимая шарф, — все распоряжения до подъема флага выполнены. Все в порядке. Второе отделение на вахте.

При слове "распоряжения", Коля чувствует легкое смущение, т. к. не совсем уверен, что запомнил все распоряжения старофа. — "Из-за этого проклятого горячего кофе", — думает он с досадой, — "опять меня поздно разбудили" — и, приближаясь к кормовой рубке, слышит голос командира, говорящего спускающемуся позади него по трапу старофу:

— Александр Семенович, перед моей поездкой к адмиралу я бы хотел обсудить с вами кое-что. Приходите ко мне после кофе.

Коля заглядывает в книгу приказаний, не записано ли там случайно и то, что надлежит сделать после подъема флага, но к своему огорчению видит, что там нет ничего касающегося его вахты, а вместе с тем сознает, что в голове у него не все сохранилось, часть — песомненно забыта.

Последняя надежда это старший боцман. Он — поверенный старшего офицера для всех дел на корабле.

— Вахтенный. Позвать старшего боцмана.

Появляется Чуркин.

— Иван Матвеевич, не говорил ли вам старший офицер о работах на сегодня утром, — дипломатически спрашивает он.

— Так точно, ваше высокоблагородие, говорили насчет чехлов для посылки на берег, для стирки. Они готовы. Насчет паровых катеров, один спустить, а другой "поднять".

— А еще что? — допытывается Коля, стараясь восстановить в памяти все.

— Больше, кажись, ничего не говорили, — извиняющимся тоном отвечает Чуркин.

"Староф" на совещании у командира... Переспросить его — случая не будет", — обдумывает мичман. — Да и признаться в забывчивости, о, довольно этого его прищуренного взгляда, когда каясь ему в оплошности, лучше — не надо. Что касается парового катера — сомнений больше нет и Коля бодро начинает "аврал".

— Гини второго парового катера развести, — командует он. — Свистеть обе вахты наверх, на гини второго парового катера, — следуют команды одна за другой. Топот босых ног по палубе. С сознанием собственной важности Коля поднимается на мостик, откуда его голова, украшенная черными бачками (за что второе прозвище "Пушкинзон"), едва видна над парусиновыми обвесами поручней, когда он выглядывает вниз, в ожидании доклада о готовности катера к спуску. А в это время, на левом шкафуте, младший боцман Угрюмов вразумляет кого-то сдавленным шопотом

— Куда ты, нечистая сила, хаком палубу дерешь?.. Рыбаков, косой твой нос, ну, подними ж явл, животная!

Крик не должно быть на крейсере во время аврала, но молодой матрос держи ухо востро, если прохрипит поблизости голос боцмана: не зевай и на него лучше не взгляни, остолбенешь, как кролик перед удавом.

— Погребный, чурбак бесчувственный, уноту поском закладывай, уноту, тебе говорю, чубук вятский, — сердитый шлот старшины на катере, что готовится к спуску.

— Готово, васкобродь, — официальный голос Чуркина снизу.

— На гинях. Гини нажат. Ходом гини! — ползакрыв глаза и нараспев заливается Коля, а внизу, старший боцман внимательно поглядывая на приподнимающийся со стелажей катер:

— Валиком, так вас и так, “валиком”, исправляет он команду с мостика, относясь к сотням двум матросов, “нажимающих” на “лопаря”.

Но вот катер вывален за борт, стопора сняты.

— Ги-и-ни травить! — поет тенором Коля, в восторге командовать авралом.

— Легче ребята, понемногу травить, на стопорах не зевай, — внушительным шопотом корректирует Чуркин маневр, следя за скоростью, с которой катер приближается к воде и зная по опыту, что если лопаря начнут “сучить”, никакие стопора не остановят, даже если руки ребят будут обожжены в кровь.

— Раздернуть. Катер на бакштов!

На этом катере разводят пары, а другой, помер 1, подают под гини и под не менее одушевленную команду вахтенного начальника:

— Ходом, ходом! — катер плавно поднимается вверх. На этот раз боцмана “ободряют” цепочками по мягким частям тех из топающих по палубе, как лошади, ребят, которые совершенно очевидно для опытного глаза, наваливаются только по виду.

Между тем, время подходит к 9-ти часам.

— На первый вельбот. вельбот к правому трапу, — командует Коля и без пяти минут плет вахтенного:

— Доложи старшему офицеру и командиру, что вельбот у трапа.

— Доложил, васкобродь. командир сейчас выходит, — возвращается посланный.

— Четверо фалрепных на правую.

Сначала появляется староф и идет прямо на верхнюю площадку трапа, взглянуть на гребцов.

— Фуражки поправить... Грести как один... Отваливаться всем в раз. Ты уж присмотри, Бакулин, — говорит он старшине, красивому унтер-офицеру с длинными усами, сидящему “загребным”.

— Есть, вашкобродь, — доносится снизу.

Коля устался на рубку. В точности, когда толстая фигура командира появляется в дверях рубки, он молодежато гаркает:

— Смирно! Свистать фалрепных! — и становится в затылок старофу, уже с рукой у козырька, ожидающего приближающегося командира. Последний, грузно переваливаясь с ноги на ногу и с выпяченным вперед животом, приподнимает волосатую руку для ответного приветствия офицерам, изображая любезную улыбку на свежесбритом (по случаю визита к адмиралу), одутловатом толстом лице.

— Не беспокойтесь, господа, — шепелявит он ласковым тоном.

Это — всему флоту известный под прозвищем “Шлепа”. один из выдвинувшихся своею храбростью в эпоху Порт-Артура, ныне капитан 1-го ранга, барон Ш., командир крейсера.

— Здравия желаем, вашкобродь, — доносится дружный ответ гребцов снизу.

С первым же дружным всплеском весел, который сразу же выносит вельбот на его длину от борта крейсера, Коля командует:

— Горнист. Захождение, — и все, находящиеся на верхней палубе, повернувшись лицом в сторону удаляющегося вельбота, невольно любят его бегу под дружными упругими гребками шести отборных молодцов-гребцов, гордости старшего офицера, который одобрительно следит за ними, пока они не “зашибашили” у борта адмиральского крейсера.

(Продолжение следует).

Мирная полковая жизнь

(Из книги “От Тифлиса до Парижа”)

О полковых стоянках, расположенных вдали от городов и железных дорог, принято было, в военной среде, говорить с пренебрежением. Эпитетами — захолустье... дыра... медвежий угол... — награждали эти, зачастую живописные, места. В корпусах и училищах с юношеским задором называли какой-нибудь “Кара-Курт”, где стоит, якобы никому неизвестный, “Аслангузский Господа нашего Иисуса Христа резервный батальон”. К концу подвижных сборов, однако, взгляд на медвежий угол изменялся. Трудности походов в горах, дожди, сырое белье, сухие бутерброды — начинали надоедать и в палатках все

чаще и чаще поговаривали о спокойной и привольной жизни в штаб-квартире. Но город Тифлис имел свою прелесть и, пока полк 4 дня шел походным порядком к Царским Колодцам, большинство офицеров, под разными предлогами, задерживались в нем.

Жизнь на Царских Колодцах не сразу входила в обычную колею. Молодым офицерам лучше было в эскадроны не показываться: там царили вахмистры и капитанармус. После похода разбирались седла, сушились потники, смазывалась кожа. Пройти пельза было из-за развешанных матрасов, одял... Солдаты разбирали и чистили винтовки...

На послеобеденных занятиях “словесностью”, солдаты мужественно боролись со сном, а “заучающий” унтер-офицер вопрошает:

— А ну-ка ты, Васюков, скажи нам, что есть штандарт?

— Штандарт есть священная воинская хоругвь.

— А как надо иттить у бой?

— У бой надо иттить смело и весело, не падя живота своєю до последней капли крови.

— А ты, Жевага, расскажи нам про суворовское поучение воину перед боем.

— Сам похибай, а товарища выручай, лезь упи-ред хоша-бы передних и били, ежели тебе трудно, то неприятелю не легче, а может и чижельше твое, только ты свое трудное видишь, а неприятельское не видишь, а вано, бесприменно есть...

— Ну, хорошо, видать, что знаешь.

Офицеры еще полны воспоминаниями о прошедших маневрах. Говорят о новом командире корпуса — Шуваеве. Небольшого роста с бородой-лопатой, живой, энергичный, Шуваев вникает во все и все хочет видеть своими глазами. Неумоимо носится он от полка к полку на своей кобыле “Свирель”, которая идет иноходью таким ходом, что ординарцы должны идти полевым галопом. Будучи человеком весьма религиозным, обратил он внимание на то, что на маневрах мало уделяют время молитве и отметил это в приказе. Как-то раз поднялся он на холм и видит, что пехота наступает цепью.

— Что они делают?.. В сфере действительного ружейного огня идут во весь рост!.. Ложись! — кричит он.

Цепь уже далеко, но идущий сзади фельдфебель все-таки слышит и бежит к командиру роты с докладом.

— Что же он такое крикнул? — спрашивает ротный.

— Вроде как бы “молись”.

— Молись?... Цепь стой... на молитву шапки долой... поют: — “Отче наш, иже еси на небесах”...

Шуваев снимает фуражку, набожно крестится, поглаживает бороду. Ординарец Ахмед Дуларов (Тверец) толкает локтем Тимура Наврузова (Нижегородца) оба снимают фуражки и истоиво крестятся.

— На-кройсь!..

Генерал надевает фуражку. Слышна команда — “цепь вперед!”

“Опять, опять они не ложатся”. Цепь уже далеко. Генерал несется на ближайший пригорок и опять кричит:

— Ложись!

Цепь останавливается и слышно, как поют “Спаси Го-о споди лю-ди Твоя”...

По команде “На-кройсь!”, генерал надевает фуражку, поворачивает назад свою “Свирель” и бормочет:

— Удивительный народ эти кавказцы: когда нужно, то не молятся, а вот в сфере действительного ружейного огня непрерывно молятся и идут во весь

рост... своеобразное войско... к нему падо привык-нуть...

Время шло... Жизнь в полку шла по векам выработанному образцу, но, все же, в запятая с солдатами каждый офицер вносил что-то свое, в зависимости от темперамента.

В первом эскадроне, “эскадроне Его Высочества” (Шефом полка был Наследник Цесаревич), старше меня по выпуску был кн. Амилахвари. Спокойный, уравновешенный и доброжелательный, Алеша Амилахвари был хороший семьянин и глядя на него, занимающегося с солдатами, чувствовалось, что он не делает разницы между ними и своими детишками — Мартой, Ирой и Никой. Вот, выстраивает он своих новобранцев и вызывает по одному на рубку. Солдат должен поднять лошадь в галоп, срубить на скаку лозу, поставленную вертикально, срубить даль-ше влажную глину, установленную пирамидой на особ-бой подкладке и проколоть чучело, изображающее не-приятельского солдата. Обычно, новички не могут рассчитать удар и напоят его слишком поздно. Лошад-и бояться проходить мимо чучел. Унтер-офицеры увлекаются и кричат:

— Руби... коли... шпоры...

Алеша Амилахвари ласково смотрит на промах-нувшегося солдата и говорит:

— Шляпа.

Иногда только слово шляпа он заменяет другим, того же значения, но более сильным словом.

У корнета Горчакова картина другая. Богатырь и сорви-голова, он сам вскакивает на коня и не-сется с поднятой шашкой. Рубит с такой силой, что смотреть страшно. Седло сворачивается набок и Бо-рис летит на землю — падает спиной на шашку, встает и хохочет. Уже во время войны, встречая сол-дат Тверцов, я спрашивал их:

— А как воюет поручик Горчаков?

На это солдаты отвечали:

— Они на фронте такое разделявают!..

Слово “разделявают” в солдатских устах означа-ло многое.

Русские офицеры приносили с собой на Кавказ что-то свое “российское”. Корнет Ильинский любит водочку с подходящей закуской и приятельскую бе-седу на веранде полкового собрания. Водочка, водоч-кой..., но вот что гласит телеграмма, посланная в 1916 г. Шефу полка Наследнику Цесаревичу из экс-педиционного корпуса в Персии:

“7-го марта третий эскадрон Тверского драгун-ского имени Вашего Императорского Высочества полка врезался в ряды курдской конницы, превы-шавшей численностью больше, чем в три раза, рас-сеял, многих изрубил и тем самым выручил свою пехоту из опасного положения. Счастлив порадовать этим обожаемого Августейшего Шефа. Полковник Хартен”.

Участниками этого боя были: командир эскадрона ротмистр Байсагалов, шт. ротмистр Ильинский, кор-

лет Бремен 2-й (в полку было три брата Бремен), нахистр подпрапорщик Кучеренко.

Ротмистр Байсагалов, "Габро", как его звали в полку, был милейший человек и добряк. Вид у него был совсем не воинственный и трудно представить себе его во главе эскадрона, врубающегося в самую гущу неприятеля, да еще такого серьезного, как конница курдов. Военная история полна примеров, когда скромный, тихий и застенчивый человек в бою оказывался героем.

В офицерском собрании много говорят о нарождающейся авиации. Никому из нас еще не приходилось видеть летающий аэроплан, но на скаковом кругу в "Дидубей" (под Тифлисом) на наших глазах летчик Уточкин пытался подняться на воздух. Аппарат его, едва отделившись от земли, потерпел аварию. Но вот пришли газеты, возвещающие, что над Тифлисом пролетел летчик Ефимов. Газеты указывали на какой высоте шел аэроплан. По вопросу о том, что можно было различить, глядя на аэроплан в бинокль — мнения разделились. Одни говорили, что ни надписи, ни летчика не видно, другие утверждали обратное. Спорят долго, держат пари и решают запросить Нижегородцев, т. е. аэроплан пролетел над предместьем Тифлиса (Навтлуг) в тот день и час, когда полк был выстроен для парада.

— Господа, да ведь Гига (корнет кн. Бобутов) присутствовал на этом параде, он должен знать, кто из нас прав... Гига, кто же из нас прав?

Князь Гига отличается своей молчаливостью. Он никогда не говорит и отец его (штаб-офицер полка) часто кричит ему, в шутку, через стол:

— Гига, помолчи немного, дай другим высказаться.

Вот и теперь он сидит спокойно и внимательно слушает доводы сторон.

— Кто из нас прав, скажи?

— Вот они... — отвечает, наконец, Гига.

В противоположность ему, пор. Градгапд (Ася), говорит долго и обстоятельно.

— Послушай, Ася, расскажи нам, как ты тонул в Алазани.

Ася начинает:

— Надо вам сказать, что течение Алазани очень быстрое. Чтобы определить скорость течения реки, надо отмерить на берегу реки, скажем, версту, бросить какой-нибудь предмет...

— Мы это и без тебя знаем, ближе к делу...

— Мой конь вошел в воду и начал плыть. Когда конь плывет, то он в воде занимает положение, при котором передняя часть его корпуса выше задней и всадник не должен натягивать поводья...

— Ася, дорогой, нам уже в училище об этом говорили... твой конь стал тонуть...

— Надо удивляться тому, что никто не учит плавать ни лошадей, ни собаку, а они плавают, а вот мы...

— А ты можешь плавать?

— Начинающему плавать надо преодолеть...

— Ты нам скажи, наконец, утонул ты или нет?—

с угрожающим видом мы приближаемся к нему. — Говори коротко. Если не утонул, то как выбрался на берег?

— На берегу был кустарник "Кара-агач". Кара, по-татарски — черный. Агач — дерево.

— Ася, черт тебя возьми, ты ухватился за него? — На этих кустарниках есть шипы...

Когда Ася заявляет, наконец, что он вылез на берег, то мы кричим "ура!", а он продолжает ораторствовать о спасении тонущих и об искусственном дыхании. Ася отличался своим поразительным хладнокровием. Однажды, на квартире кор. Нечволодова, собрались охотники. Сидят, курят... в клубах дыма Ася ходит из угла в угол и что-то говорит. Я рассматривал ружье, и, не подозревая, что оно заряжено дробью, нажал курок в тот момент, когда Ася проходил мимо ружья. Раздался оглушительный выстрел, лампа потухла, комната наполнилась дымом и пылью от штукатурки. И почти одновременно, в темноте, раздался голос Аси:

— А, ведь, ты мог меня убить. — И сказал он таким же тоном, каким говорил до выстрела.

Есть солдатская песня: "Мы три года прослужили, ни о чем мы не тужили — стал четвертый наступать, стали думать и гадать". На четвертый год пребывания в полку я тоже стал думать и гадать. Какое-то неясное желание создать что-то свое, достигнуть в чем-то совершенства стало меня мучать. Я думал о том, что инженер строит дом или мост и результаты его трудов видны постоянно. Куровод совершенствует породу кур, расширяет свое дело и наслаждается результатами. Счастье в совершенстве. Правда, и армия совершенствуется, но это нечто общее. И притом видимость все одна и та же: учишь солдата ездить, стрелять, рубить... А потом они уходят домой, становятся опять хлебопашцами и никогда их больше не встречаешь. Вот, например, у поручика Нечволодова свой дом. Сегодня он провел бетонную дорожку из дома к кухне, завтра он посыпает песком аллею в саду, посадит дерево и так до бесконечности... И будет он всем этим любоваться, и каждый день несет ему какой-то новый интерес. Я никогда не мечтал о славе — мне просто хотелось стать на путь какого-то совершенства. Правда, я с увлечением учил моих разведчиков и по несколько часов в день занимался доездкой молодых лошадей и это мне доставляло удовольствие. Мне доставляло удовольствие видеть, что лошадь под седлом ходит все лучше и лучше. Приятно сидеть на хорошо вывезенной лошади и чувствовать, что конь и всадник составляют одно целое. В то время все увлекались теорией "Бога езды" Джемса Филлиса. Даже такой крупный государственный деятель, как Клемансо, в молодости, увлекался ездой и написал об этом целую книгу.

Понемногу, все офицеры в полку как-то построили свою жизнь сообразно своим вкусам. Была группа охотников, были любители поиграть в картишки, были и любители чтения. В полку была обширная библиотека, постоянно пополняемая новыми книгами. Не

могу понять, почему я не заинтересовался чтением, а между тем, в школьные годы я пожираю книгу одну за другой. Возьму, бывало, кусок хлеба, намажу маслом и вареньем и отправлюсь в сад. В саду была купальня. Я забираюсь на ее крышу, ложился в тени деревьев и читал, забывая все на свете. Я читал без разбору. Читал я и русских классиков и потом считал, что их уже больше читать не надо. Никогда мне никто потом не объяснил, что книгу человек читает все новыми и новыми глазами.

Я решил заняться самообразованием. Вместо того, чтобы порыться в полковой библиотеке или поговорить хотя бы с полковником Яхонтовым (дядей Ростей) — писателем, поэтом и братом известной писательницы Желиховской, я написал в книгоиздательство “Знание”, и мне прислали целую кучу книг. Одна из книг говорила о солнечных протуберанцах, об изогонах и изотермах. В это время Нечволодов обратился ко мне за советом, как назвать его повую собаку.

— Изотермой, — ответил я.

Денщик Григоров, принимавший участие в совете, возмущился:

— Коли ежели собака далече забежит, то ефтой самой Низаферой не докличешься. — Собаку назвали Султаном.

Со своими сомнениями я пошел к Жданко. Он имел вид человека, знающего все и отличался особым апломбом. Вынимая часы, он говорил:

— Я купил эти часы из-за их хорошей марки. Это настоящий хронометр...

— А который у тебя час?

Жданко смотрит — часы стоят. Но и это его не смущает. Это даже хорошо. В Англии особенное внимание обращают на испытание новых машин. Мои часы в периоде испытания. Когда его назначили заведывать мобилизационным отделом, то он сделался особенно важным, и кроме усов, отпускал еще подусики.

— Послушай, старик (мы его так звали), — обратился я к нему, — мы зря коптим небо, надо что-нибудь придумать.

Жданко вынул изо рта трубку:

— Что касается меня, то я небо не копчу, но вообще согласен что-нибудь придумать...

Мы стали перебирать все возможности. В полку много вольноопределяющихся, прибалтийских немцев-баронов, есть и знающие английский язык. Можно изучать английский, немецкий и французский языки. Можно начать готовиться в академию Генерального Штаба. Достаточно подать заявление в инженерное ведомство и получить бесплатно участок земли под постройку дома (аренда на 99 лет). Самый дом можно построить в рассрочку: вывести фундамент и за-

ложить, вывести стены — заложить и т. д. Дом будет не чета крестьянским домишкам, в которых живут часть офицеров. В нем будут все удобства: электричество, ванна, душ и т. д.

Жданко заявил:

— Всякий вопрос надо решить академически. Он взял лист бумаги и написал: участок — даром. Фундамент — средства на постройку фундамента: жалованье — 1.218 руб. в год, но следует вычесть расходы. Закон больших чисел требует, чтобы смета расхода была составлена возможно большим числом лиц, а затем уже взята средняя пропорциональная. Мы оба отдельно должны подсчитать наши расходы, т. е. питание, одежду, квартиру и обязательные вычеты из жалованья (библиотека, собрание, почта, парадные обеды, и др. развлечения, парикмахер...).

Мы принялись считать.

— Ну, что готово? Сколько у себя остается от жалованья? — спросил Жданко.

Я смущенно заявил, что ничего не остается.

— У меня тоже ничего. — Жданко вывел на бумаге $0 - 0 = 0$. Бумага была отложена в сторону. Мы продолжали мечтать: вот, напр., наши занятия с разведчиками... нет ни одного приличного руководства. Есть разные сочинения, которые полезно прочесть офицеру, но такого руководства, по которому можно было бы день за днем проходить полный курс подготовки солдата к экзамену на разведчика — нет. Мы можем создать памятку, в которой весь курс был бы изложен языком, понятным для солдата, чтобы он сам мог ее читать. Мы решили составить “Памятку разведчику Тверцу”. Жданко заявил:

— Это будет ценный вклад в военную литературу.

Мы принялись за работу. Выяснилось, что удобнее было, когда я говорил, а Жданко писал. Иногда мы спорили, но, в общем, дело шло гладко. Когда в памятке приводились примеры и нужно было давать фамилии начальников разъездов или дозорных, то я услужливо предлагал фамилии своих разведчиков. Потом Жданко спохватывался и мы стали давать фамилии по очереди. Мы писали от руки, а потом отдавали печатывать на машинке писарю. “Ценный вклад” рос. Росло и наше нетерпение увидеть его оконченным. И вот наступил момент, когда мы могли сдать материал в печать. В один радостный день, писарь Ольховый, который печатал материал, прибежал к нам рано утром, и с гордостью заявил:

— Ваше благородие — наша книга уже прибыла.

В этот день я испытал редкое удовольствие держать в руках, вышедшую из печати, свою книгу.

Г. Танутров (Жук)

Как они умирали

*“...Но не вздохами печали
Память павших мы почтим,
А в нетленные скрижали
Имена их начертим...”*

Ко дню поминовения воинов, живот свой на поле брани положивших, я счел своевременным вспомнить о тех безвестных героях-мучениках, которые, получив в бою тяжелые, страшные ранения, умирали в госпиталях прифронтовой полосы. Везти их дальше в тыл не было смысла — они были обречены. Их единственной наградой за все моральные и физические страдания был деревянный солдатский крест и то не всегда.

Все рассказанное здесь — не выдумка досужего писателя, а истинная быль. Я даже привожу запомнившиеся мне подлинные имена и фамилии некоторых героев рассказа. Печальна будет моя повесть.

В начале 1915 г., во время атаки германских передовых укреплений, я был ранен и попал в госпиталь. Это был полевой запасный госпиталь с трехзначным номером, занимавший здание реального училища в городе Г. Наши войска продолжали яростно атаковать позиции противника. До города доносился зловеющий гул орудий и новые караваны раненых прибывали с фронта, удаленного всего на 12 верст от города. За недостатком перевозочных средств, легко-раненые, которые могли передвигаться самостоятельно, шли пешком с фронта в тыл. Придя в город, они являлись в первый попавшийся госпиталь. Но, увы, все было переполнено, и их отовсюду выпроваживали. Они бродили по городу, в поисках пристанища, с перевязанными руками и головами.

Итак, я попал в госпиталь. Первое время, пока приходил в чувство после ранения и был прикован к постели, я лишь поверхностно мог знакомиться с жизнью госпиталя и его пансионеров. Только в перевязочной, лежа на узком белом столе, мне случалось видеть, как рядом перевязывали моих товарищей по несчастью. Но вот, после первых робких попыток хождения на костылях, я начал, наконец, передвигаться и проникать во все углы госпиталя.

Я познакомился с простыми русскими людьми, мужественно и безропотно переносившими страдания и примирившимися с увечьями.

Из персонала госпиталя мне запомнились: главный врач д-р Вейнберг (Рейнгарт), ординаторы — доктора Остроумов, Каменский и еще один, не помню фамилию. Сестры: Полина Павловна Краснощекова, Алла Константиновна, Вера Ивановна, г-жа Остроумова (жена доктора) и еще две-три переменного состава. Этот немногочисленный персонал обслуживал почти всегда переполненный госпиталь.

В дни сильных боев бывало, что не только все классы реального училища были заняты, но раненые лежали на полу на соломе, вдоль всего коридора, и даже в церкви. Конечно, для этих не было ни белья,

ни одеял. Были случаи, когда, недождавшись первой перевязки, раненый умирал на соломе и не всегда удавалось установить его фамилию.

В госпитале не было рентгеновского кабинета, хирургические операции делались “на глазок”. Обязанности хирургов исполняли д-ра Остроумов (окулист) и Каменский (кожн. и венер.). Они учились хирургии на безответных солдатах. Из-за недостатка анестезирующих средств, мелкие операции иногда делались, как во времена Крымской кампании. Я видел однажды, как д-р Каменский щипцами “откусил” острый кусок кости, торчавший из оторванного осколком снаряда пальца солдата. Санитар держал руку, сестра отвернула в сторону голову оперируемого. Раздался хруст, заглушенный диким воем. Я не могу бросить ни одного упрека персоналу госпиталя. Принимая во внимание условия, в которых приходилось работать, недостаточность необходимых медицинских средств и, порой, непосильную нагрузку, можно было простить те недочеты, которые могли оказаться. Не было даже костылей для раненых в ногу. Была лишь одна пара коротких палок с перекладиной на одном конце и это все. Я заказал себе костыли в городе, ими пользовался весь госпиталь и после моей выписки, они там и остались.

В особенности работа сестер заслуживала похвал и восхищения. Полина Павловна в 39 лет казалась старушкой. Она была кадровой сестрой мирного времени. Это был ангел-хранитель раненого солдата. В своих мягких, бесшумных туфлях, она появлялась всюду, где нужно было облегчить страдания. Просила у офицеров папиросы для своих тяжело-раненых солдат. Я всегда старался попасть к ней на перевязку. Она умела сделать так, чтобы свести боль к минимуму.

Полина Павловна часто приходила ко мне поделиться мыслями о том или ином из своих питомцев. Рассказывала, кто куда и как ранен, как переносит страдания, и есть ли надежда на излечение. Брала у меня десяток папирос и убегала раздавать их раненым. Однажды показала мне полученное от какого-то молодого человека письмо, автор наводил справку о своем умершем в госпитале друге. Спрашивал, какие были последние слова покойного и просил написать на его могильном кресте присланные стихи.

Полина Павловна была огорчена, она не могла догадаться, о ком шла речь в письме. Фамилия ей ничего не говорила, сколько ни перебирала в памяти прошедших перед ней покойников. Да и могилу найти было бы невозможно.

Остальные сестры тоже работали не за страх, а за совесть. Как сейчас помню, в большой палате, в среднем ряду, лежал сибирский стрелок Арсений Наковьюк, у которого левая верхняя часть черепа была снесена и мозг был совершенно обнажен. Правая половина тела и речь были парализованы. Он произносил лишь одно слово — мама. Повидимому, это

не был призыв к матери, которая, как когда-то в детстве, могла бы утешить свое страдающее дитя, — это было единственное слово, единственный звук, которым он мог обратить на себя внимание, попытаться выразить какую-то мысль. Он часто курил, держа папиросу в левой руке, и пепел бережно страхивал на пол. Глаза его бродили по потолку. Он никогда не стонал, даже во время перевязок. Он несомненно был в полном сознании, сердился, когда его не могли понять и, пытаясь что-то сказать, повторял все то же слово — мама.

Его кормили с ложечки жидкой кашцей. Через 10 минут все съеденное выбрасывалось наружу. Повязка на голове все время напитывалась сукровицей и ее приходилось часто менять. Я читал его историю болезни, и мне запомнилась такая фраза: “выпячивание мозгового вещества прогрессирует”.

Он чах и стал похожим на скелет, но молодое тело боролось за жизнь и его агония была медленной. Понадобилось около месяца, чтобы погасить в нем последнюю искру жизни. Наковьюк умер так же тихо, как и страдал. Однажды ночью я подслушал разговор дежурной сестры с доктором Остроумовым. Сестра умоляла доктора сделать укол Наковьюку, чтобы он уснул навеки и был избавлен от напрасных страданий. Никакие доводы не убедили доктора, он категорически отказался, назвав подобный акт преступлением. Во дворе госпиталя был барак, наполненный черными гробами одного размера. Для экономии места, гробы без крышек были вложены один в другой, а крышки — сложены кучей отдельно. Умершего на носилках уносили в мертвецкую (тоже барак рядом со складом гробов), там его клали в гроб.

В назначенный для похорон час приходило отделение ополченцев (чел. 10), и прибывали низкие простые погребальные дроги. Гроб выносили сперва на двор, где батюшка служил панихиду. Раненые, кто мог, выходили на двор, другие смотрели в окна. Всегда находилось 2—3 певчих в помощь псаломщику. После “Вечной памяти” ополченцы брали “на караул” свои берданки, барабанщик бил дробь, гроб ставили на катафалк и шествие трогалось.

Впереди шел батюшка, рядом с ним псаломщик, за гробом — ополченцы, предшествуемые барабанщиком, который от времени до времени сотрясал воздух жуткой дробью военного похоронного ритуала. Редкая неделя проходила без 2—3 погребений.

В том же ряду, где и Наковьюк, лежал недолго один солдат, у которого пуля прошла от колена почти до ступни, вдоль всей голени, раздробив кости. Он страшно страдал, и его стоны не давали никому покоя ни днем, ни ночью. Только под действием морфия он забывался немного. Его нога была обречена, она начала уже чернеть. Ни уговоры сестер и соседей по койке, ни гнев врачей не могли убедить его согласиться на ампутацию. Прошло 2—3 дня и, наконец, совершенно обессиленный, он подозвал сестру и дал согласие. Было уже поздно, но все же доктора решили попытаться спасти его. Я видел, когда, после опера-

ции, его выносили из операционной. Он уже проснулся после наркоза и тихо стонал. Весь день и всю ночь его не было слышно. Он спал. Утром сосед приподнял простыню с его лица и сказал “помер”.

Его ногу положили в гроб к накануне умершему раненому, а самого похоронили с одной ногой.

Был еще драгун 15-го драгунского Переяславского полка Иван Плотников, Псковской губернии. У него пуля попала в то место лба, где начинаются волосы. Вначале Плотников казался легко раненым: приносил себе сам обед, разговаривал... Но вскоре слег, поднялась температура и, пролежав недели три, тихо отошел в вечность.

Однажды вечером привезли партию раненых, сестры до поздней ночи перевязывали их. Я зашел в перевязочную. На столе лежал раненый в голову. Сестра уже заканчивала перевязку и разговаривала с ним. Он почему-то вообразил, что попал в плен и этим был очень огорчен. Сестра уверяла его, что здесь русские и что он вовсе не в плену, что скоро поправится и поедет домой, и называла его Петей. Поговору это был крестьянин великоросс. Подойдя ближе, я замер от неожиданного страшного зрелища: глаза Пети вываливались из орбит, как будто бы их вырвали. Он был слеп. Ему не суждено было увидеть родную деревню: всю ночь стонал он и метался в предсмертных муках, а к утру жизнь его оборвалась.

Был еще однажды привезен ночью раненый в живот, у которого были отморожены обе руки и обе ноги. Полина Павловна долго возилась с ним, пока он не впал в забытие. Его тоже похоронили с барабанным боем.

В одной из маленьких палат лежал раненый, судя по фамилии, прибалтийский житель. У него пуля, попав в правую верхнюю часть лба, прошла позади глаза, задела язык и вышла под нижней челюстью недалеко от шеи. Этой же пулей была ранена правая рука. Он всегда сидел в постели, облокотившись на, подложенные под спину, подушки, и ежеминутно вытирал полотенцем, текущую из открытого рта, слюну. Я присутствовал при его перевязке и видел его раны. Правый глаз налит кровью, он им, конечно, не видел. Говорить он не мог, принятие пищи было сложно и болезненно. Повидимому, он остался жив, т. к. его эвакуировали вглубь России.

Наш госпиталь был передаточной станцией, куда доставляли раненых прямо с фронта в санитарных повозках или в санитарных поездах, — это был ближайший тыл. В госпитале приводили в порядок раны, делали спешные операции и, периодически, по мере прибытия санитарных поездов из глубокого тыла, разгружали госпиталь и готовились принять свежую партию раненых. Тяжело-раненых, пока не выяснена их судьба, нигде не отправляли. Они умирали здесь, на месте.

В госпитале была палата смертников, куда клали обреченных на смерть гангренозных. Запах в палате был ужасный, — разлагались человеческие тела. Каждый раненый знал, что это за палата, знали и

те, кого туда отправляли. Впрочем, чаще всего они бывали уже в полусознании.

Я заходил туда и даже раз присутствовал при разговоре сестры с бредившим умирающим. Он говорил о своих семейных делах, принимая сестру за свою жену.

Помню еще унтер-офицера Иванченко, рыжевато-го блондина с длинными усами. Когда его принесли в большую палату, глаза его были закрыты, вдоль тела лежали на носилках бескровные руки. Восковое лицо и заострившийся нос делали его похожим на покойника. Он получил пулю около правой ключицы, она прошла вдоль тела и вышла где-то около поясницы. Легкое, печень и, вероятно, почка были задеты.

Дней десять Иванченко лежал с закрытыми глазами, не подавая признаков жизни. Его перевязывали, как-то питали. Каждое утро сосед по койке объявлял: “дышит”. Ни доктора, ни сестры не питали никакой надежды, — он был обречен.

И вдруг однажды Иванченко открыл глаза и, опершись о кровать руками, сел. Его согбенная фигура, едва поворачивавшаяся голова, худое бледное лицо с, дико вращавшимися, голубыми глазами, напоминали картину воскресения Лазаря. Сбежались все, кто мог ходить, послышались доброжелательные солдатские шутки, у всех на лицах — удивление, радость... Прибежали сестры, пришел доктор. Иванченко даже заговорил малороссийским говорком. Его речь была отрывиста и отчетлива, как слова команды.

С этого дня Иванченко стал фаворитом всего госпиталя. Около его кровати всегда был кто-нибудь. Ему несли все — книги, газеты, фрукты, конфеты... Сестры играли с ним в шашки. Он был разговорчив, резонер, говорил баском, с достоинством, витиевато. Никогда не говорил, что был ранен под Сувал-

ками, а всегда: “в районе Сувалкского боя”. Это был хороший, крепко спитый хохол. Когда у него начал розоветь цвет лица, хотя ходить он еще не мог, его отправили в Москву.

В госпитале была лишь одна офицерская палата (человек на 10—12), тяжело-раненых в ней никогда не было.

Однажды привезли раненого подполковника. Его внесли в палату и, в ожидании, пока приготовят постель, поставили носилки на пол. Он был в обрызганной кровью шинели, голова — вся забинтована, на повязке — кровавые пятна. В окладистой бороде с проседью я заметил застрявшую соломинку. Глаза были закрыты, он тяжело дышал, сопел, был без сознания.

Не успели ему приготовить место, как в палату быстро вошел главный врач и, не стесняясь присутствовавших, возмущенным тоном произнес примерно такой монолог: “Почему его привезли сюда... Кто приказал?... У нас нет офицерского гроба, нет и оркестра... Сейчас же отправить в местный лазарет, там все налажено для офицерских похорон”. И мне припомнились слова поэта: “И от берега крутого оттолкнул его веслом, и мертвец вниз поплыл снова за могилой и крестом”.

В этом рассказе приведены случаи тяжелых ранений лишь наиболее меня поразившие, прошло же их передо мной очень много.

Я пролежал в госпитале около 4-х месяцев, от эвакуации отказывался, т. к., имея родных в городе, мне незачем было ехать в чужие места.

Если мы чтим убитых в бою, то во сколько больше мы должны чтить тех мучеников, которые медленно, с сознанием полной безнадежности положения, в муках угасали в многочисленных госпиталях.

Слава воинам за Родину живот свой положившим...

В. К. Цимбалюк

Наступление 1-й бригады 68-й пех. див. в Вост. Пруссию в марте 1915 г.

1-го марта 1915 года 269-й пехотный Новоржевский полк выступил в поход и 2-го марта мы подошли к местечку Тауроген, вблизи немецкой границы.

В это время в 10-й Армии происходили тяжелые бои.

На нашу бригаду возложена была задача прогнать возможно широкое и энергичное наступление в направлении на Тильзит, а на правом фланге у Балтийского моря была собрана группа из ратников и морского батальона с приданной к ним от нас одной шести-орудийной батареей.

По данным нашей разведки в городе Мемеле войск было мало, почему приказано было нашей правофланговой группе взять Мемель и по возможности развить наступление дальше.

Наша батарея во взятии Мемеля сыграла главную роль и командир ее за это дело получил Георгиевский крест. Войска этой группы были не на долж-

ной высоте и долго удержать Мемель не смогли, но задачу в оттягивании на себя внимания и сил противника выполнили.

Действие же нашей бригады развивалось следующим образом:

270-й Гатчинский полк должен был обойти с правого фланга местечко Тауроген и выйти немцам в тыл, наш же 269-й Новоржевский полк должен был наступать на Тауроген в лоб, по шоссе.

3-го марта, на рассвете, наш полк повел наступление. Позиции немцев были очень сильно укреплены проволокой и имели много пулеметов. У них имелась также тяжелая артиллерия, чего мы, конечно, не имели. Две наши доблестные легкие батареи сделали все, что было в их силах для облегчения нашего наступления, но проволоки и окопов разрушить не могли.

По свидетельству генерала К. К. Акинтиевского,

бывшего старшим адъютантом штаба 68-й пехотной дивизии, полковник Филимонов, имея данные об укреплении немцев под Таурогеном и являясь вообще противником долбления стенок головою, был против атаки Таурогена в лоб, с шоссе. Однако, генерал Апухтин категорически требовал именно такого, а никакого иного, наступления и взятия Таурогена именно этим путем. Генерал Аккитневский заявляет, что полковник Филимонов исполнил приказание начальника дивизии лишь по третьему разу.

3-й батальон, выдвинутый вперед, подвергся страшному губительному огню; 4-й батальон, идя за ним уступом за левым флангом, срочно начал продвигаться на помощь 3-му.

1-й и 2-й батальоны вели наступление западнее шоссе.

Наше наступление велось по всем правилам полевого и стрелкового устава. Прекрасно обученные солдаты спокойно исполняли приказания своих офицеров и быстро продвигались к проволоке противника, но отсутствие действительной артиллерийской помощи вызвало сильные потери в наших рядах.

3-й батальон пытался броситься в атаку, но не дойдя до проволоки, залег. Такая же участь постигла и 4-й батальон. Потери в этих двух батальонах были очень большие. Командир 3-го батальона, капитан Затеplinский был ранен смертельно. Командир 4-го батальона, капитан Питка, был тяжело ранен. В обоих батальонах убито и ранено много офицеров и солдат.

4-й батальон, после ранения капитана Питка, принял его заместитель командир 15-й роты, поручик Домброво, но он был тут же ранен и батальон принял командир 16-й роты, поручик Юрий Осипов. Автору этих записок, через час после начала боя, пришлось командовать двумя ротами этого батальона, а он был лишь в чине прапорщика, выпуска 1-го декабря 1914 года. Соседняя со мной рота перешла в командование моего однокашника, прапорщика Николая Иконникова, но он был скоро тяжело ранен в голову и во главе роты стал старый фельдфебель — подпорщик Дородний.

Бой шел по всему фронту. Но отсутствие тяжелой артиллерии предрешило исход нашего наступления. Однако штаб дивизии требовал продолжения наступления. Он был уверен, что 270-й Гатчинский полк успеет выйти в тыл немцам. Командир полка, полковник Филимонов, просил Начальника дивизии несколько отвести его батальоны, дабы прекратить бессмысленное избиение своей части немцами, но получил категорический отказ. Вскоре связь со штабом дивизии, находившимся в 10—12 верстах от места боя, была прервана из-за повреждения телеграфных и телефонных проводов немецкими снарядами. Исправление заняло много времени. Погода этим временем начала портиться. Пошел сначала дождь, а потом началась пурга. Полк продолжал вести перестрелку и нести значительные потери. Тяжелый снаряд, разорвавшийся рядом со штабом полка, сильно кон-

тузил командира полка, полковника Филимонова, но он остался в строю.

Наконец, был получен приказ отходить. С большим трудом, промокшие и замерзающие наши цепи медленно отошли и заняли исходную позицию перед местечком Тауроген. Где находился 270-й Гатчинский полк — было неизвестно, однако, стало ясно, что операция с обходом немцев не удалась. Между тем состояние здоровья командира полка, после контузии, сильно ухудшилось и полк принял от него, его помощник, полковник Тернэ.

4-го марта наш полк простоял на своей позиции, занимаясь усиленной разведкой.

5-го марта полк снова был двинут на Тауроген, который, после небольшой перестрелки со слабыми силами немцев, был занят. Потери наши на сей раз были незначительны, ибо немцы, будучи к этому времени, действительно обойдены нашим Гатчинским полком, не стали ввязываться в серьезный бой у Таурогена, а спешили ускользнуть из мешка.

Наш 269-й полк устремился к границе Восточной Пруссии и весь следующий день мы гнали германцев.

269-й полк вновь вступил в пределы Восточной Пруссии. Не помню точно, но наше продвижение с боями продолжалось дня четыре. Заняты были ряд местечек в Восточной Пруссии. Наша задача — привлечение на себя новых сил противника была выполнена. На одном из рубежей мы остановились и три дня и три ночи непрерывно вели бой с перешедшими в контр-атаку значительными силами немцев. В течение этих трех суток, наши части не получали горячей пищи, так как походным кухням подойти было невозможно — артиллерия противника и днем, и ночью засыпала снарядами не только наши позиции, но и тылы. Ночью с большим трудом подносили только патроны, хлеб и сахар. Надо заметить, что днем все время шел дождь, а ночью сильно морозило. Физически мы все очень страдали: окопы были полны воды и грязи, укрытия от непогоды мы не имели, смены не было и не могло быть, так как все резервы были уже ранее использованы. Стонавших и кричавших раненых выносили из окопов в тыл лишь с наступлением темноты, так как днем такие попытки кончались всегда гибелью и раненого и санитаров.

В ночь с 13-го на 14-е марта 1915 года нам было приказано отойти. Моя рота отходила в аррьергарде, и оказалась последней Русской воинской частью, ушедшей с германской территории в Великую войну 1914—17 г. г. Уже на Русской границе, у небольшого мостика через речку, нас ожидала смена — новый аррьергард под командой штабс-капитана Тимэ. После прохода моей роты мост был сожжен.

Через день, наша бригада, сильно пострадавшая в последних боях, и не имея в своем тылу никаких резервов, вынуждена была под натиском превосходных сил противника отойти на исходные позиции.

В. В. Федулenco

Командир 2-й конной

Генерал Алексей Павлович С—кий происходил из потомственных дворян Смоленской губернии. Более 250 лет, предки его Московским Царям да Государям Империи Российской, верою и правдой, служили в потешных полках Царевича Петра, в гвардии Государевой да в армии, к тому же в войсках разных: во флоте, коннице, пушкарях, да в пехоте..., а родоначальнику фамилии С—ких, предку его Ефиму, — по выходе его из Польши, за взятие города Смоленска “из-за короля Польского”, вотчины для угодья в родовое владение пожалованы были, что в грамоте Царя Алексея Михайловича значится, а копия грамоты сей в архиве Министерства Юстиции, что в Москве, — хранится...

На врагов государевых и отечества с ратью родичи его ходили с Петром 1-м под Азов да Полтаву, а при матушке Екатерине с турками дрались. При Павле Петровиче, под начальством Суворова, в Швейцарском походе участие принимали... В Бородинском бою сражались, да Наполеона из Москвы гнали. А деду Алексея Павловича С—кого, “отставному подпоручику Ивану С—кому”, за преграждение французскому отряду доступа у Свитских Мхов к крепости Белой, Всемиловитвейше Анну 4-й ст. Государь Александр I пожаловать изволил... Опять из 6-го пехотного Либавского полка, прапорщик С—кий на мраморную доску в храме Христа Спасителя записан был, как в Отечественную войну убиенный...

При Государе Николае I турецкую крепость Браилов брали, да в Севастопольской обороне защитниками были, ... а в турецкой кампании при Александре II, под Шипкой и Плевной, молодым еще, сам генерал участие имел.

Гордился генерал дедами да прадедами своими, да как не гордиться было, когда кровь у них в жилах военная текла, а в роду его по прямой мужской линии все военными были и все участниками сражений с поляками, турками да французами, и все то за славу, честь и величие матушки России. А в родовом гербе его корона дворянская: воин с пикалью да лев рычащий стоят, латинская буква “S” на щите том, да полумесяц со звездой сияют...

В 6-ю книгу имя его записано, — в книгу древних дворянских родов.

В послужной список Генерала, целый музей бы вместился... и чего только там не было: и чины, и ордена, и награды — похвалы: за рвение к службе, о призах за отличную стрельбу, да за первоклассную езду вписано...

Отличным ездоком Алексей Павлович слыл, при родным конником считался.

В те времена, в 80-е годы, командовал он 2-й конной батареей и знали его не только по Твери, но и по всему Московскому Округу. “уже больно занятный был: чудаком его называли”, любил он шуточки, прибауточки да каламбуры всякие, а по службе все же строг был: “требовательный, но к подчиненным

справедливый”. К тому же дамским кавалером считался; хотя и женатый, но в дамском обществе свой человек. Анекдотики всякие выдумывал... ну, и потешал всех, а дамы от него в восторге были — хихикали... Фокусы разные проделывал, а сколько трюков знал, всего пером не описать.

Таков был подполковник Алексей Павлович С—кий, командир Славной 2-й конной батареи...

— Вот к примеру, ежели, нагрянет в 4 ч. утра на конюшню, выслушает рапорт и узнает, что кобыла “Планета” захирела, обязательно прикажут подать ему конский помет, а потом будут копаться в нем да выяснять, что кобыла изволила откушать накануне... — рассказывал дежурный по конюшне.

А вот еще случай, когда над командиром дамочки гарнизонные вдоволь посмеялись: гарцевал как-то Алексей Павлович на своем любимом жеребце, а ветер подул да фуражку с него сорвал, а из-под фуражки баллончик выскочил: “испугались дамы, а затем в хохот пустились: парик-то у командира сорвался”, — не знали они, что кавалер их паричек носит...

А время шло и шло... Откомандовал Подполковник С—кий своей 2-й конной, в полковники попал и дивизион получил, а с производством в генералы назначен был командиром 3-й Гренадерской артиллерийской бригады в Рославль, а затем 1-й Гренадерской в Москве командовал. По службе все больше выдвигался и на парадах выделялся, а в один прекрасный день удостоился благодарности на смотру в Высочайшем присутствии... Вот лихо промчалась одна из его батарей, — только колесо у зарядного ящика сорвалось, да соскочило, — скандал да и только, ... но командир не растерялся: инструментальная повозка, на карьере подскочила, пыл подняла, да в пару секунд колесо вправлено было, что называется “на ходу”.

— Отлично, генерал... все видел... — поздравил его Император Александр III, здороваясь с начальниками отдельных частей, после смотра.

— Как себя чувствуешь, генерал, что думаешь дальше делать?..

— В отставку. Ваше Императорское Величество... больше ничего... Никуда не похужу, Ваше Императорское Величество.

— Как никуда не годишься?.. Такой молодчина и никуда не годен... кто тебе сказал?..

— Жена, Ваше Императорское Величество, — рявкнул генерал.

Государь улыбнулся... принял отставку Алексея Павловича и назначил его в Опекунский Совет.

В 1905 году, в Москве, сидя в кресле, в своем доме и читая газету о сдаче Порт-Артура, генерал С—кий, доблестный командир 2-й конной, внезапно скончался от разрыва сердца.

Эраст С—кий
Суворовец 1-го выпуска

Д Ж И Г И Т Ы

Большинство племен кавказских горцев, как известно, прирожденные наездники; они ловко, непринужденно и красиво сидят в седле и любят коня. Хотя зачастую обращаются с ним очень жестоко.

В регулярной кавалерии, в основу выездки строевой лошади, ставится строгая последовательность и мягкость: ласковое обращение с ней, что, конечно, требует очень много времени и терпения, тогда, как горец, за отсутствием в своем характере терпения, требует от лошади немедленного подчинения воле всадника, для чего прибегает зачастую к суровым мерам.

Вспоминая прохождение мною курса Офицерской Школы, я хорошо помню моего однокурсника Штабс-ротмистра, князя Келеч Султана-Гирея, впоследствии Начальника Черкесской Дивизии в Добровольческой Армии. Великолепный ездок, человек красивого и отлетического сложения, он обладал одновременно с тем сильной и мягкой рукой при выезде. Однако, как у настоящего горца, у него не хватало, зачастую, терпения и потому, когда во время сменной езды, мы слышали в манеже грохот, стук и звук падения, можно было, не поворачивая головы в сторону шума, угадать, что это штабс-ротмистр Султан-Гирей, выведенный из терпения, вошел в конфликт со своей лошадию. Эта, последняя, обыкновенно, после минутного своеволия, видя бесполезность дальнейшего сопротивления, сжимаемая железными шенкелями своего всадника, получив пару горячих хлыстов, сдавалась на милость победителя.

Вторая отличительная черта горца — это любовь к быстрым и широким аллюрам. Горец-всадник, едущий шагом — это явление необычное. В одиночестве, вдали от начальства, он всегда скачет. Борьба с этим злом было совершенно бесполезно. Все приказы, внушения и уговоры были недействительны, и даже денежная подачка, о которой будет сказано ниже, давала очень слабые результаты.

В Дагестанском Конном полку был ротмистр Якимиди, уроженец благодатной Кахетии; человек уже немолодой, очень веселый, всеми любимый и большой любитель выпить и закусить, как большинство его земляков. Обращался он со всеми по-приятельски, на “ты”, и всегда с прибавлением слова “душка”...

— Здравствуй, душка... Выпьем, душка... и т. п.

На войну он смотрел, не в обиду ему будь сказано, с точки зрения гастронома, как некоторые городские охотники на охоту. Он не столько увлекался мыслью встретить неприятеля, как подысканием симпатичных лужаек и уютных уголков, где можно было бы постелить бурку и организовать хорошую выпивку.

— Боевые качества бурки, — говорил он, — заключаются не в том, что она удобна или неудобна для верховой езды, а в том, что на ней хорошо пьется вино — драгоценное свойство в походной жизни.

Вина и водки поглощал он огромное количество, и одновременно с этим глотал какие-то, всегда имевшиеся при нем пилюли. На вопрос кого-то из приятелей: для чего он глотает это лекарство, он однажды ответил:

— Душка, вино и водка разрушают здоровье, а пилюли его восстанавливают, таким образом они между собой дерутся, а я нейтралитет держу, вино пью и здоровье сохраняю.

С этим ротмистром Якимиди произошел однажды любопытный случай, о котором я хочу рассказать.

Однажды, в жаркий летний день, у дороги, в какой-то галицийской деревушке, на балконе небольшого домика, сидел ротмистр Якимиди, со своими приятелями-офицерами и, по обыкновению, выпивал и закусывал. Беседа их текла тихо и мирно, как вдруг из-за угла выехал едущий шагом по дороге всадник Дагестанского полка. Якимиди, увидев едущего шагом горца, в первый момент как бы остобенел от удивления, а затем, быстро вскочив, крикнул лезгину:

— Стой, душка! Наконец-то, в первый раз в жизни, вижу всадника-горца, едущего шагом... Молодец, душка, вот тебе за это три рубля...

Всадник с достоинством улыбнулся, не спеша спрятал бумажку за пазуху бешмета, поблагодарил ротмистра, и... ударив коня плетью, вскачь понесся по дороге, оставив за собой клуб пыли, в которой остался разочарованный ротмистр.

Отплывавшая и потрясая кулаком, Якимиди кричал вдогонку горцу:

— Душка!.. Чертов сын!.. Куда же ты попер, как сумасшедший?..

Полковник Александр Немирович-Данченко

Антология правовых добродетелей

ОТ РЕДАКЦИИ:

Хотя предлагаемая статья и не носит специально военного характера, но мы считаем все же нужным ее напечатать, т. к. она превозносит те принципы, которые как раз лежали в основе воспитания Российского Воинства. Мы надеемся, что эти начала — столь дорогие сердцу каждого русского

офицера — будут, в дальнейшем краеугольным камнем в нравственном сознании Российской молодежи.

Идея “Совершенного Человека” с самой зари истории неустанно занимала воображение людей. Древние греки олицетворяли эту идею в своих богах и героях, воплощавших не только физическую красоту,

но и нравственные, и интеллектуальные совершенства — по представлениям, конечно, того времени, а не нашим. Несколько позже в свои права вступила философия и для определения высоты лишь одного *спутренного* мира, создала понятие “калокагатии”, т. е. как бы “химического” соединения в одном человеке духовной красоты, мудрости и доброты, — о которой вздыхал еще покойный М. А. Алданов в своей “Ульмской Ночи”. По мере развития человечества, идея совершенства начала, однако, все более и более дифференцироваться.

Прежде всего люди заметили, что интеллектуальная высота того или другого человека далеко не всегда влечет за собой высоту нравственную. Взять хотя бы, для примера, лорда Френсиса Бекона, одного из основателей Новой Философии, который при своих исключительных интеллектуальных дарованиях, совершенно не стеснялся в средствах для достижения своих личных целей. Он не только брал взятки “как лев”, но даже в процессе графа Эссекса, своего благодетеля, сыграл, повидимому, предательскую роль. И это — человек, написавший “Новый Органон” и бывший, как многие думают, настоящим автором пьес Шекспира! Таких примеров в истории очень много, поэтому, не останавливаясь на них, я пойду дальше.

Отделив интеллектуальные качества от нравственных, сосредоточимся теперь на этих последних и посмотрим, нет ли и в пределах самой нравственности тоже известного дуализма? На данный вопрос придется ответить в равной мере положительно, т. е. эта двойственность человеческих нравственных качеств резко бросается в глаза. В самом деле, опыт учит нас, что есть добродетели *морального* порядка, которым противостоят добродетели *правовые*. Первые — моральные — основываются на *чувстве* любви и милосердия, и являются как бы непосредственной, необдуманной реакцией на предстоящее вашему духовному взору *содержание* конкретной действительности; вторые же — правовые — построены на *сознании* долга и направлены на поддержание *формы* общественной жизни, без которой вообще не может быть никакого содержания, и все подлежит крушению.

Моральные добродетели, по существу — “христианские”. Я пишу последнее слово в кавычках, так как эти качества, конечно, были и в Древнем Море, и даже у тех людей, которые никогда о христианстве не слыхали. К ним относятся: доброта, милосердие, острая жалостливость, стремление помочь слабому и другие; что же касается правовых качеств человека, то они носят жесткий, “римский” характер и сводятся, главным образом, к правдивости, верности слову, лояльности, справедливости и *fair play*.

Эти, по существу, разные качества в совершенном человеке могут совмещаться, но обыкновенно у отдельных людей преобладают то одни, то другие. Поэтому на деле мы зачастую встречаем как бы *два разных типа людей*: одни вас пожалеют и помогут вам, но Боже вас упаси на них положиться; другие же сдержанны, жест-

коваты, но их слово — золото, и на них держится вся ткань нормальной общественной жизни.

Преобладание в народе одного типа нравственности над другим создает и характер нравственной жизни целого народа. Есть народы, поэтому, *правового и морального типа*. В древности мы имеем греков и римлян, как наиболее яркие примеры указанного выше противостояния. Как известно, греческие законы были значительно мягче и милосерднее римских — горе только в том, что, за отсутствием лояльности, их никто не соблюдал и все, как говорится, “ловчили”, что приводило к полному крушению социальной жизни; что же касается Рима, то его Железный Закон возвышался над жизнью как неизбежная скала — и приобщил, в конце концов, почти все народы тогдашнего мира к благам общей культуры, созданной, впрочем, не столько римлянами, сколько греками.

Такой остроты и четкости нравственного противостояния мы не находим у современных народов, однако, все же можно сказать, что кельтические и славянские народы — скорее *морального* типа, а германские — в большинстве, *правового*. Говоря это, сразу же подчеркиваю, что данная характеристика только *приблизительна* и что она выражает лишь некоторую тенденцию в том или другом направлении.

Переходя теперь к *русскому народу* — что меня в данном случае особенно интересует — следует сразу же указать, что уклон его нравственной жизни в сторону *морали* — а не права — констатируют не только иностранцы, но и многие из русских. Если не ошибаюсь, то покойный Н. А. Бердяев, например, в одной из своих книг, указывает на то, что сама *идея, права* (в римском смысле) вообще чужда Русскому сознанию, а Достоевский сделал даже из *морального* характера Русского народа основную тему своих произведений. Что же касается иностранцев, наблюдавших русских людей даже в самые критические моменты их истории и при полном крушении общественной нравственности (в эпоху революции и большевизма), — то и они все, в один голос, свидетельствуют о прирожденном гостеприимстве, *доброте* и приветливости нашего народа. Нужно прибавить, с другой стороны, что эти же иностранцы, говоря о *правовой* стороне характера русских вообще, склонны даже иногда преувеличивать пониженную лояльность, приверженность ко лжи и “византизм” наших соотечественников. В последнем отношении очень характерна книга профессора Легра о “Русской Душе”, где он специально собрал на эту тему огромное количество неблагоприятных отзывов иностранцев, посещавших Россию в до-Петровские времена.

Как бы там ни было, но в заключение, мне кажется, все же нужно признать, что при всем высоком *моральном* уровне нашего народа, в *правовом* отношении он несколько дефективен — и что мы должны приложить все усилия, чтобы этот недостаток сгладить и вытравить, и по возможности, выправить “крен Русского корабля на левый борт”.

Достижимо ли это, однако, в полной мере? Я ду-

маю, что нет, и что никаким воспитанием, например, вы не превратите “Рогожина” в расчетливого и законопослушного “Карла Ивановича”. В основе характера человека или же народа лежат наследственные, биологические черты, которые проявляются в “первом же крике ребенка” и которых даже “могила не исправит”. Воспитание сглаживает несколько эти черты, а железный закон государства сдерживает их проявление в том случае, когда они отрицательные. Достаточно, однако, санкциям закона рухнуть, чтобы эти черты расцвели махровым цветом! Тот, кто присутствовал при революциях, прекрасно это знает: с одной стороны, сколько внешне законопослушных, благочестивых и мирных граждан, которые на деле вдруг оказываются “чекистами”, — и сколько, с другой стороны, людей “безобразного и неприличного поведения”, которые готовы рискнуть своей жизнью во время революций, чтобы спасти ближнего, или же погибнуть в борьбе с насилием!

В данном случае *воспитание* вполне аналогично *образованию*, которому тоже никогда не удавалось обратить ни одного “прирожденного болвана” в гения — благодаря чему мир буквально кишит “учеными попугаями”, украшенными часто даже университетскими степенями.

Не будем поэтому возлагать слишком больших надежд и на воспитание, которое может лишь сгладить природные недостатки, искусственно создать некоторую *инерцию* в желательном направлении и только внешне восстановить как бы равновесие внутренних качеств человека. Когда много людей воспитано в определенном направлении, то это дает некоторую *устойчивость* государству в период кризисов, под условием, однако, что *они длятся не слишком долго*.

Вывод из сказанного, в отношении России, напрашивается сам собой. Если у Русских людей, *от природы*, действительно моральные добродетели преобладают над правовыми, то воспитывать их нужно, упирая именно на *последние*. Пусть Церковь, попрежнему, проповедует христианское милосердие (которого у Русских всегда был непочатый угол) — однако, *главный упор* в воспитании юношества нужно делать на *право, лояльность и правдивость*. Это может быть легко достигнуто развертыванием, скажем, в хрестоматиях, перед воображением молодых людей — отдельных исторических сцен, которые не говорят о добrote, любви или же милосердии, но указывают на *долг* и как бы призывают ценить *государство* и все то, что способствует *устойчивости* людских отношений между собой. Кратким *наброском* такой хрестоматии, которую я назвал бы “Антологией правовых добродетелей” и является все нижеследующее. Клик под рукой у меня нет, и я могу излагая ошибаться в мелочах. Смысл, однако, сообщаемого я передам правильно.

1.

В эпоху завоевания Туркестана, один Русский солдат был замучен до смерти туркменами за то, что

не хотел отречься от своей веры. Человек этот, сам ясно того не понимая, мыслил православие как национальную религию, или как стандартную философию Русского народа. Речь его перед смертью весьма характерна в этом смысле и, если память мне не изменяет, то она начиналась, примерно, следующими словами: “Мне, как приносившему присягу Государю Императору и т. д.”.

Об этом изумительном случае говорит Достоевский в своем “Дневнике писателя”, удивляясь, что Русская пресса пишет часто о всякой чепухе, а такой волнующий и значительный факт пропустила, по своей близорукости, между пальцев. Всем Русским, церковно-настроенным патриотам, безнадежно мечтающим, однако, об экуменичности, следовало бы хорошенько продумать описанный случай.

Этот простой Русский человек, этот герой-солдатик, не был искушен в богословских тонкостях и даже никогда не слышал о Filioque, — но сложил то он свою голову не за универсального, католического и экуменического Бога, а за “Бога своих отцов”, т. е. за “Русского Бога” — и за Государя Императора, которому он присягал, и который, перед лицом врага, воплощал в его сознании всю мощь его Народа и Российской Империи!

2.

Другой случай известен всем из “Русской Истории” Ключевского, но я все же считаю полезным о нем упомянуть.

Среди молодых людей, посланных Петром Великим за границу, для обучения, был один дворянин из бедной семьи, Неплюев. Он отлично справился с учбой и стал морским офицером. Петр определил его на первых порах, для практики, в инструментальную мастерскую при Адмиралтействе, куда сам приходил каждый день, наблюдать за работой и самому упражняться.

Однажды, Неплюев загулял с вечера на именинах у приятеля, проспал утром положенный час, и явился на работу с запозданием, когда Государь был уже в мастерской. С Петром шутить было нельзя и Неплюев честно ему во всем признался: “Простите, Ваше Величество, я вчера у приятеля на именинах *перехватил малость* и никак утром не мог подняться”. У Петра, смотревшего на него очень сурово, при этих словах лицо осветилось радостью и он, положив Неплюеву руку на плечо, сказал: “Спасибо тебе, милый, что не соврал. А что касается винца — то чем черт не шутит: и со мной, брат, это случалось. Я сегодня буду крестить матросского сына — так мы пойдем вместе, там и опохмелимся”.

Петр I был, поистине, великий герой — и все его действия отмечены печатью незаурядности. Достаточно вспомнить хотя бы его тост, после Полтавы, за графа Пипера и побежденных шведов, как за “своих учителей”. Поэтому я всегда внутренне краснею, когда мои соотечественники, как это теперь при-

нято, стараются умалить его значение. У него, однако, так же как у Цезаря и Наполеона, был *черный пункт* в жизни.

Для Петра это — когда он, взяв Нарву, ударил по лицу шведского полковника, коменданта крепости, за безнадежное ему (Петру) сопротивление, повлекшее за собой уличный бой и бесполезное пролитие крови. У Цезаря черным пунктом является бессмысленное убийство уже пленного героя Верцингеторикса, а у Наполеона — это расстрел, во рву Венсенского замка, герцога Энгиенского — лучшего и благороднейшего из французских принцев крови, который, вдобавок, лично высоко ценил Наполеона, как героя и полководца. Но что поделаешь — и на солнце бывают пятна!

3.

Когда, во время Второй Мировой войны, немцы стали, под общим руководством генерала Краснова, создавать из пленных казаков части для борьбы с большевизмом, — то со своей, немецкой, стороны, они поставили над этими образованиями начальником генерала фон-Панница. Этот генерал был человек суровый — но он сжился со своими казаками и научился даже говорить по-русски.

После падения Германии, эти казачьи части, как известно, по требованию Сталина были выданы союзниками большевикам и посланы в зарешеченных вагонах “на убой” в Советскую Россию. Генерала фон-

Панница победители сперва тоже хотели судить в Нюрнберге, но потом опомнились, т. к. жестокостей последний не совершал, и вся вина его была лишь в том, что он, как немец, служил своему отечеству. Таким образом, фон-Панниц и остался на свободе.

Через некоторое время этот генерал, живший недалеко от одной железнодорожной станции, узнал, что через нее должны пройти “каторжные” поезда с “убойными казаками”. Он тогда явился на эту станцию в полной немецкой генеральной форме, но с кубанской шапкой на голове, и вытянувшись в струнку лицом к проходящим вагонам, все время отдавал честь, пока не прошел последний эшелон... Что же касается казаков, то проходя мимо, они все время кричали ему через решетки вагонов: “Прощай, батя-ко Панниц!”

Трудно себе представить адекватно, что переживал при этом немецкий генерал... Известно лишь то, что через некоторое время он *добровольно* отдался в руки большевиков, прося его судить вместе с генералом Красновым.

И, действительно, несколько позже его и осудили с названным Русским генералом и одновременно с последним повесили в Москве...

Этот поступок фон-Панница, казалось бы, бесцельный, может быть определен только одним словом: Благородство!

Николай А. Реймерс

(Окончание следует)

ОБЗОР ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ

Г. Александровский. — “Цусимский бой”.

Русская Зарубежная Морская Библиотека № 76.

Нью-Йорк, 1956 год

“К сожалению, никто из, ныне здравствующих, офицеров Императорского Флота не проявил инициативы и не пожертвовал своим временем, чтобы попытаться очистить память забытых героев...”, говорит автор. Упрек справедливый и тяжелый. Но, может быть, где-нибудь, имеются неизданные труды на эту тему, могущие снять его? Лично для себя принимаю его целиком, тем более, что Русско-Японская война была для меня, с корпуса, большим местом. Тем большую благодарность заслуживает автор, исправивший наш общий грех и сделавший это превосходно.

Как живые, проходят перед читателями все корабли, с их командирами и личным составом, их геройская борьба и славная гибель. Сам Рождественский, Бэр, Бухвостов, Миклуха-Маклай, Керя, Коломейцев и ряд других офицеров и матросов. Для всех них, Александровский нашел верные слова. Он выразил их, по отношению к капитану 1-го ранга Бухвостову, его офицерам и матросам, в следующих выражениях:

“Некому повествовать, какую драму они пережили, и каким страданиям были подвергнуты в течении пяти-часового боя с неприятелем, и огнем, и, еще более

долгого, боя с ледяной водой. Их героизм осталось безымянным. Их совместный подвиг связан навеки с именем их корабля — “Император Александр III”.

Такие же слова можно сказать и по адресу всех остальных героев, погибших на “Суворове”, “Бородине”, “Ослябе”, “Адмирале Ушакове” и других кораблях. Вечная им память и слава.

Столь же верные слова сказал автор и по адресу преступников, покрывших позором сдачи несчастный, но почетный бой, который без их преступления остался бы неомраченным. И потому — вечный позор Небогатову, В. В. Смирнову, Баранову и их единомышленникам.

Г. Александровский упоминает мало известный факт, что один из первых, попавших в наши корабли в Цусимском бою, снарядов разорвался в судовой церкви “Суворова”. “Это попадание было символическим. Оно, как бы, предсказало трагическую судьбу не только эскадры, но и всей Российской Империи”. “Духовная сила Церкви Христовой остается неоскверненной, но народ, отошедший от Церкви, усумнившийся в ней, хулящий ее, обречен испить свою горькую чашу до дна. Вместе с виновниками погибнут и праведные — за то, что не нашлось в них достаточно моральных сил, чтобы во время остановить своих заблудших братьев”. “С того времени прошло пол-

столетия, но — горькая чаша, к краю которой приоснулись губы участников Цусимского сражения, еще не испытана нами до сегодняшнего дня”.

У Небогатова и его позорных помощников не оказалось моральных сил, не было чести, веры и верности. Их поступок не получил достаточного осуждения и потому... “нет ничего удивительного в том, что, спустя 12 лет, в самый критический момент существования Российской Империи, в февральские дни 1917 года, появился не один Небогатов, а десятки их...” “Страна, граждане которой не умели держать данного ими честного слова, была опасно больна”.

Вторую часть книги Александровский посвятил разбору и критике боя. Его исследование артиллерийских результатов боя с обеих сторон блестяще показывает, что стреляли мы не только не хуже, но, вероятно, лучше японцев. Не вина артиллеристов, что наши снаряды давали слабые разрывы и то не всегда, тогда, как японские разрывались даже при ударе о воду и вызывали, при всяком попадании, ужасающие пожары.

Стратегический разбор менее ярок, да автор и не претендует на полноту разбора, приведя лишь мнения различных морских писателей. Позволю себе сказать то, чего, насколько мне известно, ни в одном описании похода и боя не было сказано. Ошибка Рождественского заключалась в том, что он, с самого начала, поставил себе неправильную цель — прорыв на Владивосток. Эта цель была внушена ему директивой Морского министерства. Беря на себя тяжелую задачу, он должен был отбросить эту цель. Совершенно очевидно, что целью похода могло быть *только бой* и уничтожение неприятельских сил. Мог ли он этого достичь? Прорыв мог привести, при максимальной удаче, лишь к тому, чтобы, как говорит автор, “примириться с неизбежностью потерь в бою и ценою гибели нескольких кораблей прорваться с остальными во Владивосток”.

Имел ли такой прорыв смысл? Ведь мы были слабее японцев. Гибель нескольких кораблей только увеличила бы эту слабость. Стало быть нужно было решать совсем иную задачу — как разбить главные силы японцев. Если бы Рождественский поставил себе такую цель, — у него нашлась бы воля, чтобы отвергнуть, навязанную ему, 3-ю эскадру. Он знал, что она его свяжет, понимал, что она не усилит, а ослабит, и просил Государя отказаться от ее посылки. Только вместо того, чтобы указать истинную причину таковой просьбы, он высказал сомнение, что Адмиралтейство сможет хорошо отремонтировать эти старые корабли. Государь ответил ему, что корабли отремонтированы исправно, но, если он считает задачу невыполнимой, ему предоставляется право вернуться в Кронштадт.

После этой телеграммы, у него уже не было выхода. Честь и самолюбие не могли позволить ему возвратиться, и он принял на себя невыполнимую миссию, зная, какую тяжелую задачу она ставит эскадре.

Однако, если откинуть 3-ю эскадру, то у Рождественского теоретически был шанс на успех в бою. Не следует забывать, что существования у японцев снарядов нового типа, дающих разрывы, которые наши снаряды дать не могли, нам известно, не было. Поэтому Рождественский мог думать, что качество снарядов у обеих сторон равноценно, и имел основание считать, что шансы не так уж неравны.

Но, вернемся к золотым словам Г. Александровского:

“...Нам нечего бояться вспомнить Цусиму: Правде надо было смотреть в глаза. Одной правдой является, что нас побили за нашу техническую отсталость. Постараемся никогда об этом не забывать и в будущем не отставать от технического прогресса”.

“Но, в Цусиме есть еще *другая правда*. Правда, которой мы должны гордиться. Правда, которая показала, что Русский народ не потерял своего героического духа. Эта правда — *доблестное поведение подавляющей части личного состава второй Тихоокеанской эскадры*”. “На этой правде, мы должны, воспитывать нашу смену”.

Вот почему книга Г. Александровского должна находиться в каждой библиотеке каждого Русского человека, чтобы они, на примерах Миклухи-Маклая, Бухвостова, Родионова, Клочковского, Керна, унтер-офицера Бабушкина и других героев, воспитывали своих детей.

Е. фон-Шильдкнехт

С. П. МЕЛЬГУНОВ — *Легенда о сепаратном мире (жизнь революции)* — стр. 506 — Париж 1957 г.

Книга исключительной ценности, восстанавливающая историческую правду об оклеветанной Царской чете и, особенно, об Императрице Александре Федоровне. Это книга — одна из немногих изданных в эмиграции, которая, в свое время, должна будет обязательно быть привезена в освобожденную Россию теми эмигрантами, которые не только доживут до этого момента, но, которые, по настоящему, хотят правды.

В результате долгой, исключительно добросовестной, кропотливой и правдивой работы, Сергей Петрович Мельгунов, человек независимой и смелой мысли, пришел к неопровержимому выводу, к тому, что “с легендой о сепаратном мире, порожденной общественной возбужденностью военного времени и поддержанной тенденциозной обличительной историографией, насколько речь идет о верховной власти, раз навсегда, должно быть покончено”. “Оклеветанная тень погибшей Императрицы требует исторической правды”.

Ныне, трудами честного, беспристрастного и независимого историка, коим был покойный С. П. Мельгунов, эта историческая правда дана. Все вымыслы “тенденциозной обличительной историографии” — разоблачены и опровергнуты. “В самый трагический момент своей жизни, — говорит С. П. Мельгунов, — стоя на краю пропасти и неминуемой гибели, они (Царская чета), находили и мужество, и силы говорить о “национальном позоре”, которым ознаменова-

лось окончание войны". Книга дает очень много исторического материала, тщательно и умело проверенного, о событиях, предшествовавших революции и о настроениях разных кругов тогдашнего Русского общества. Она очень ярко воссоздает ту атмосферу общего помрачения Российских умов того времени, которое подвинуло многих добросовестных и честных

Русских людей на ложные и опрометчивые поступки, приведшие Россию к катастрофе. Для будущих историков и для всех, кто будет стараться понять смысл и дух тогдашних событий, настроений и увлечений тогдашних Русских людей, книга С. П. Мельгунова сослужит неоценимую пользу.

Г. М.

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ“

ЕВФРАТСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО

Сообщаю вам одну историческую подробность, о которой мало кто знает: "Высочайшим Приказом от 1-го января 1917 года было образовано Евфратское Казачье Войско из армян и добровольцев". Таким образом, казачьих войск было не 12, как обычно считают, а 13.

Сообщил И. Ф. Рубец

РУССКИЕ АМАЗОНКИ

При Русских Царях еще существовали Амазонские отряды. Они набирались из комнатной прислуги, все, как на подбор, были рослые, красивые "дворцовые женки". Ехали верхом по-мужски, перед колымагой Царицы, и имели собственную форму: на головах у них были особые белые шляпы с полями, подбитые тафтой телесного цвета. Широкие желтые шелковые ленты ниспадали со шляп по самые плечи и были унизаны золотыми пуговками, жемчугом и украшены золотыми кистями. Спереди — короткая белая фата закрывала лицо до подбородка. Длинные, широкие шубы и желтые сапоги. Отряд состоял из 24 женщин. Очевидно, этот женский отряд Москва заимствовала у Золотой Орды, где султанши имели каждая своих амазонок.

Сообщил И. Ф. Рубец

ОТ РЕДАКЦИИ

В № 27 журнала "Военная Быль" была помещена статья под заглавием "Армянский генерал", которая была принята некоторыми нашими читателями-армянами, как оскорбительная для их национального достоинства. Редакция очень сожалеет о помещении этой статьи, вызвавшей, совершенно для нас неожиданную, реакцию некоторых читателей.

Extrait Orchitique Kalefluid

Экстракт из животворных желез животных рекомендуется принимать в случаях: общей слабости, нервной депрессии, переутомления, артритических и старческих недомоганий, астении, ослабления памяти, бессонницы и в некоторых случаях повышенного давления. Женщинам, кроме указанных случаев, при недомоганиях переходного возраста.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ!

Для экспорта и для получения проспекта на русском языке, пишите:

Laboratoire B. KALEFLUID, 66, Bd. Exelmans, Paris (16^e). V. P. 21.331. BELGIQUE : Pharmacie Fridman, 54, rue de l'Aqueduc, Bruxelles (St.-Gilles). AUSTRALIE : V. Miller, 35, Balmoral Str. Blacktown N. S. W. ALLEMAGNE : Goloschtschapoff, 14 a Ludwigsburg. Richard Wagner Str. 11.

КАВКАЗСКИЕ ГЕРОИ

Князь А., известный своей доблестью старый кавказский генерал, приехал в Петербург представляться Госудю Императору, по случаю возведения в звание Генерал-Адъютанта.

Император Александр III обласкал генерала и удостоил его приглашения в этот день к столу.

— Не могу, Ваше Величество.

— Но, почему? — изумился Государь.

— Кунаку обещал...

Государь рассмеялся и отложил свое приглашение.

Сообщил А. Л.

„Сборник Российской военной поэзии“

Выпуск I — Полковые и судовые песни и стихотворения. Издание Обще-Кадетского Объединения, под редакцией А. А. Геринга. Осталось ограниченное количество экземпляров. Цена: 400 фр. фр. В странах заокеанских: 1 долл.

НА СКЛАДЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

	Фр.
Георгий Ишевский — Честь	600
И. А. Ильин — Наши задачи, в 2-х тт...	2.400
Ю. Н. Данилов — Русские отряды на франц. фронте	350
Г. Александровский — Цусимский бой..	700
А. Балашов — Для немногих, стихи....	400
Л. И. Кульнев — Волны жизни	350
Г. В. Месняев — За гранью прошлых дней	700
К. Г. Булгаков — Русский и герман. воен. мир о творч. К. Попова	450
«Возрождение», ежемесячные тетради..	200
Русская военная библиотека вып. I	60

ЗНАЧКИ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ.

Продаются у казначея: Б. М. Марин, 19, рю Пломе, Париж 15.

Почтовый счет: Париж — 9325-52.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1958 ГОД НА БОЛЬШОЙ ВОЕННЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„Военная Быль“

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Седьмой год издания. Выходит ШЕСТЬ раз в год.

В 1957 году, в журнале были помещены произведения: Г. Алеева, Бориса Арского, Г. Аустрина, Д. А., А. Балашева, Л. Беляева, В. Богуславского, А. В. Борщова (†), П. Ф. Волошина, Ив. Волхонского, Владикавказца, А. Геринга, Д. Де-Витт, И. Заборовского (†), М. Зайцева (†), Б. П. Казмичева, В. Каменского, Е. Ковалева, А. фон-Корвин-Вирзбицкого, князя Н. В. Кудашева, А. К., А. А. Лампе, А. А. Левицкого, К. Леймана, Анатолия Маркова, Г. Месняева, С. Мжр, Кирилла фон-Морр, Н. М., Б. А. Николаева, В. П. Орлова-Диаборского, А. Потапова, Р. П., Владимира фон-Рихтер, И. Ф. Рубец, Н. Н. Р., Ивана Сагацкого, Л. Сейфулина, Симоновича, Я. Смирнова, Старого гусара, Г. Танутрова (Жука), А. Тучкова, Вл. Третьякова, Г. Усарова, Вл. Хороманского, Бориса фон-Царевского и А. Черно морцева.

Подписка принимается по адресу Редакции, а также у всех Представителей журнала.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА, С ПЕРЕСЫЛКОЙ НА ГОД :

Во Франции и колониях — 1100 фр., в Англии и Австралии — 25 шил., в С.А.С.Ш. и Канаде —
4 дол. 50 центов.

Отдельные №№, соответственно: 200 фр., 2 гер. марки, 5 анг. шил. и 80 америк. центов.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1958 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНУЮ
ВОЕННО-НАЦИОНАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„Вестник“

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Восьмой год издания.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПО АДРЕСУ РЕДАКЦИИ:

61, рю Шардон-Лагаш, Париж (16), а также у всех Представителей «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и
« ВЕСТНИКА ».

Подписная цена с пересылкой на год :

700 фр. фр., в странах заокеанских — 2 дол. 40 цен.

В газете — постоянные отделы: В поработанной России, Кадетская жизнь, Нам пишут и друг.